

Палантир

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
Санкт-Петербурга

№69

ՀԷՆՐԻ:

Ի թոռն

ԲՇ ԳՐԱՏԱՆԿՆԵՐՆԵՐ

ԽՐԱԾՆՆԵՐ:

ОКТАБРЬ 2014

В НОМЕРЕ :**Екатерина Образцова (Акантари)**

Реконструкция Минас Тирита по тексту «Властелина Колец» 4

Алиса Фаер

Пословичный и фразеологический фонд жителей Средиземья. 33

Екатерина Топал

Время и пространство во «Властелине Колец» Дж. Р. Р. Толкина. 47

Кеменкири (Е.Ю. Лебедева)

Жадность, проклятие, судьба. (О мотивах действующих лиц в истории первого падения Дориата). 54

На последней странице - работа **Моргул** «Саурон на башне Тол-ин-Гаурхота»**Palantir®****ПАЛАНТИР****№69 октябрь 2014****Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга**

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: barding@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)Наш сайт: tolkien.spb.ru**Copyright © 1997-2014 Толкиновское Общество СПб**

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов **Tengwar Quenya** и **Tengwar Sindarin** Дэниеля Стивена Смита.

Минас Тирит является одной из основных и самых важных локаций «Властелина Колец». В его стенах и пригородах происходит добрая половина действия «Возвращения Короля». Мы думаем, что хорошо представляем себе Минас Тирит. Но на самом деле мы его совсем не представляем.

Опорным описанием, лежащим в основе представлений об облике Минас Тирита, является фрагмент из одноименной главы:

For the fashion of Minas Tirith was such that it was built on seven levels, each delved into the hill, and about each was set a wall, and in each wall was a gate. But the gates were not set in a line: the Great Gate in the City Wall was at the east point of the circuit, but the next faced half south, and the third half north, and so to and fro upwards; so that the paved way that climbed towards the Citadel turned first this way and then that across the face of the hill. And each time that it passed the line of the Great Gate it went through an arched tunnel, piercing a vast pier of rock whose huge out-thrust bulk divided in two all the circles of the City save the first. For partly in the primeval shaping of the hill, partly by the mighty craft and labour of old, there stood up from the rear of the wide court behind the Gate a towering bastion of stone, its edge sharp as a ship-keel facing east. Up it rose, even to the level of the topmost circle, and there was crowned by a battlement; so that those in the Citadel might, like mariners in a mountainous ship, look from its peak sheer down upon the Gate seven hundred feet below. The entrance to the Citadel also looked eastward, but was delved in the heart of the rock; thence a long lamp-lit slope ran up to the seventh gate. Thus men reached at last the High Court, and the Place of the Fountain before the feet of the White Tower: tall and shapely, fifty fathoms from its base to the pinnacle, where the banner of the Stewards floated a thousand feet above the plain (*LotR, "Minas Tirith"*).

По мотивам этого описания получается примерно такая визуализация, какую мы имели удовольствие видеть в экранизации Питера Джексона (см. **рис.1**) (*Все рисунки содержатся в Приложении 2 – Прим. ред.*).

Во времена до Питера Джексона город представляли чуть масштабнее, но всё равно в том же духе (см. **рис.2**, иллюстрация Теда Насмита). Правильность визуализации подтверждает пара набросков, сделанных Профессором на полях (**рис.3 а,б,в**).

Казалось бы: соответствие достигнуто, проблем быть не должно.

Но не всё так просто.

Немного углубившись в историю Средиземья, из Приложения А к «Властелину Колец» мы узнаём, что Минас Тирит (в те времена Минас Анор) был основан сыновьями Элэндила, одновременно с Осгилиатом и Минас Итилем:

The last leaders of the Faithful, Elendil and his sons, escaped from the Downfall with nine ships, bearing a seedling of Nimloth, and the Seven Seeing-stones (gifts of the Eldar to their House); and they were borne on the wings of a great storm and cast up on the shores of Middle-earth. There they established in the North-west the Numenorean realms in exile, Arnor and Gondor. Elendil was the High King and dwelt in the North at Annuminas; and the rule in the South was committed to his sons, Isildur and Anarion. They founded there Osgiliath, between Minas Ithil and Minas Anor, not far from the confines of Mordor. For this good at least they believed had come out of ruin, that Sauron also had perished (*LotR, Appendix A*).

А вот текст из «Сильмариллиона», также повествующий об основании Минас Тирита:

Isildur and Anárion were borne away southwards, and at the last they brought their ships up the Great River Anduin, that flows out of Rhovanion into the western sea in the Bay of Belfalas; and they established a realm in those lands that were after called Gondor, whereas the Northern Kingdom was named Arnor. Long before in the days of their power the mariners of Númenor had established a haven and strong places about the mouths of Anduin, in despite of Sauron in the Black Land that lay nigh upon the east. In the later days to this haven came only the Faithful of Númenor, and many therefore of the folk of the coastlands in that region were in whole or in part akin to the Elf-friends and the people of Elendil, and they welcomed his sons. The chief city of this southern realm was Osgiliath, through the midst of which the Great River flowed; and the Númenóreans built there a great bridge, upon which there were towers and houses of stone wonderful to behold, and tall ships came up out of the sea to the quays of the city. Other strong places they built also upon either hand: Minas Ithil, the Tower of the Rising Moon, eastward upon a shoulder of the Mountains of Shadow as a threat to Mordor; and to the westward Minas Anor, the Tower of the Setting Sun, at the feet of Mount Mindolluin, as a shield against the wild men of the dales. In Minas Ithil was the house of Isildur, and in Minas Anor the house of Anárion, but they shared the realm between them and their thrones were set side by side in the Great Hall of Osgiliath. These were the chief dwellings of the Númenóreans in Gondor, but other works marvellous and strong they built in the land in the days of their power, at the Argonath, and at Aglarond, and at Erech; and in the circle of Angrenost, which Men called Isengard, they made the Pinnacle of Orthanc of unbreakable stone (*Silmarillion, "Of the Rings of Power and the Third Age"*).

На заре своей истории столицей был Осгилиат, а Минас Анор и Минас Итиль были всего лишь крепостями, защищающими подступы к столице с запада и востока. Различие видно даже в именах: «ост-» – «город», а «минас» – «башня».

Вместе с тем, в тексте «Властелина Колец» Минас Тирит описан как большой каменный город, раскинувшийся на семь ярусов по высокому холму и поражающий воображение путников своими размерами. О его главной крепостной стене – стене первого яруса – говорится, что она была построена «прежде, чем искусство и мощь Нуменора пришли

в упадок в изгнании», т.е. очень давно:

For the main wall of the City was of great height and marvellous thickness, built ere the power and craft of Númenor waned in exile; and its outward face was like to the Tower of Orthanc, hard and dark and smooth, unconquerable by steel or fire, unbreakable except by some convulsion that would rend the very earth on which it stood (*LotR, "Siege of Gondor"*).

Читатели негласно принимают это так, что весь город, включая главную стену, задающую его границы, выстроен одновременно на самой заре истории Гондора. Это фиксирует геометрические размеры Минас Тирита на всём протяжении его более чем трёхтысячелетней истории до Войны Кольца, что порождает некоторые коллизии:

1) То, что воспринимается в конце Третьей Эпохи как большой город, считалось во время основания королевства Гондор всего лишь крепостью? Отчего нуменорцы строили столь гигантские крепости?

2) В течение Третьей Эпохи территория и численность населения Гондора претерпевали драматические изменения в обе стороны. Это должно было отражаться и на численности населения его городов. Действительно, мы видим, что к концу Третьей Эпохи, в период упадка Гондора, население Минас Тирита существенно сократилось. Пиппин замечает много давно заброшенных домов:

Pippin gazed in growing wonder at the great stone city, vaster and more splendid than anything that he had dreamed of; greater and stronger than Isengard, and far more beautiful. Yet it was in truth falling year by year into decay; and already it lacked half the men that could have dwelt at ease there. In every street they passed some great house or court over whose doors and arched gates were carved many fair letters of strange and ancient shapes: names Pippin guessed of great men and kindreds that had once dwelt there; and yet now they were silent, and no footsteps rang on their wide pavements, nor voice was heard in their halls, nor any face looked out from door or empty window (*LotR, "Minas Tirith"*).

Но в былые времена, когда Гондор находился в зените своего величия, или когда Город стал столицей, ситуация должна была быть противоположной – население не могло не расти. Если так, то где новые укрепления, внешние относительно стены первого яруса? Раммас Эхор не подходит, он возведён уже после окончательной потери Итилиена, в эпоху упадка Гондора, менее чем за столетие до Войны Кольца; да и огораживает он не сам город, а сельскохозяйственные пригороды, о которых говорится, что по сравнению с городом тут живёт лишь малая толика народу:

Gandalf passed now into the wide land beyond the Rammas Echor. So the men of Gondor called the out wall that they had built with great labour, after Ithilien fell under the shadow of their Enemy. For ten leagues or more it ran from the mountains' feet and so back again, enclosing in its fence the fields of the Pelennor: fair and fertile townlands on the long slopes and terraces falling to the deep levels of the Anduin. At its furthest point from the Great Gate of the City, north-eastward, the wall was four leagues distant, and there from a frowning bank it overlooked the long flats beside the river, and men had made it high and strong; for at that point, upon a walled causeway, the road came in from the fords and bridges of Osgiliath and passed through a guarded

gate between embattled towers. At its nearest point the wall was little more than one league from the City, and that was south-eastward. There Anduin, going in a wide knee about the hills of Eryn Arnem in South Ithilien, bent sharply west, and the out-wall rose upon its very brink; and beneath it lay the quays and landings of the Harlond for craft that came upstream from the southern fiefs (*LotR, "Minas Tirith"*).

The townlands were rich, with wide tilth and many orchards, and homesteads there were with oast and garner, fold and byre, and many rills rippling through the green from the highlands down to Anduin. Yet the herdsmen and husbandmen that dwelt there were not many, and the most part of the people of Gondor lived in the seven circles of the City, or in the high vales of the mountain-borders, in Lossarnach, or further south in fair Lebennin with its five swift streams (*LotR, "Minas Tirith"*).

Ответы на данные вопросы можно найти в тексте «Властелина Колец». Он содержит много подробностей о форме Минас Тирита. Однако многие из важных описаний архитектуры и плана даны очень кратко, рассеяны по толще книги и так органично вписаны в повествование, что их легко пропустить, обращая внимание не на них, а на персонажей в их антураже.

Попробуем реконструировать Минас Тирит, каким он на самом деле описан в романе.

Обычно все представляют, и небезосновательно, что Миндоллуин обрывается «вдруг», и дальше сразу начинается плоская равнина:

To his left lay a sea of mist, rising to a bleak shadow in the East; but to his right great mountains reared their heads, ranging from the West to a steep and sudden end, as if in the making of the land the River had burst through a great barrier, carving out a mighty valley to be a land of battle and debate in times to come. And there where the White Mountains of Ered Nimrais came to their end he saw, as Gandalf had promised, the dark mass of Mount Mindolluin, the deep purple shadows of its high glens, and its tall face whitening in the rising day. And upon its out-thrust knee was the Guarded City, with its seven walls of stone so strong and old that it seemed to have been not builded but carven by giants out of the bones of the earth (*LotR, "Minas Tirith"*).

Минас Тирит, как считается, стоит непосредственно на склоне Миндоллуина. Но на самом деле после Миндоллуина есть еще Сторожевой холм. Да и сама равнина не плоская, а нисходящая к Андуну, так что остается открытым вопрос, можно ли провести четкую границу, где Сторожевой холм переходит в равнину. Минас Тирит стоит именно на холме, и, таким образом, находится чуть поодаль от Миндоллуина ("upon its out-thrust knee was the Guarded City"):

A strong citadel it was indeed, and not to be taken by a host of enemies, if there were any within that could hold weapons; unless some foe could come behind and scale

the lower skirts of Mindolluin, and so come upon the narrow shoulder that joined the Hill of Guard to the mountain mass. But that shoulder, which rose to the height of the fifth wall, was hedged with great ramparts right up to the precipice that overhung its western end; and in that space stood the houses and domed tombs of bygone kings and lords, for ever silent between the mountain and the tower (*LotR*, “*Minas Tirith*”).

На это косвенно указывает и тот факт, что Белая Башня хорошо просматривается издалека, о чем говорят наблюдения Фродо и Леголаса:

It seemed to Legolas, as he strained his farseeing eyes, that he caught a glint of white: far away perchance the sun twinkled on a pinnacle of the Tower of Guard (*LotR*, “*King of the Golden Hall*”).

Far away it seemed, and beautiful: white-walled, many-towered, proud and fair upon its mountain-seat; its battlements glittered with steel, and its turrets were bright with many banners (*LotR*, “*Breaking of the Fellowship*”).

Если бы башня была притиснута к самой горе, она бы сливалась с горным массивом. Впрочем, тут можно возразить, что и у Фродо, и у Леголаса особые «волшебные» глаза, способные «заглядывать за угол» и замечать лишь самое важное.

В книге дана точная высота Сторожевого холма – 700 футов, то есть около 200 м (см. первую цитату с опорным описанием города). Но ширина не указана. Обычно холм, если на его существование вообще обращают внимание, представляют как шишку с крутыми склонами и небольшим диаметром подошвы (см. **рис.4**, иллюстрация Гарланда).

Но на то нет никаких указаний. Поэтому вопрос о форме оставим открытым.

Холм соединен перевалом со склоном Миндоллуина. Перевал ниже самого холма: он поднимается лишь до пятого яруса города. Перевал длинный, с ярко выраженной седловиной: на него с верхних ярусов спускается дорога-серпантин, а по самому перевалу тянется улица. Здесь расположен королевский некрополь – целый квартал усыпальниц и мавзолеев: “in that space stood the houses and domed tombs of bygone kings and lords, for ever silent between the mountain and the tower”. Учитывая, что история Гондора насчитывает несколько тысяч лет, усыпальниц должно быть очень много, парой зданий тут не отделаться (31 король, 25 наместников и неизвестное количество других знатных персон). Между тем, это всего лишь перевал, а холм рядом с ним, надо полагать, ощутимо крупнее.

Перевал продолжается с другой стороны от вершины холма в виде большого каменного гребня, пересекающего надвое весь западный склон. Этот гребень сравнивается по форме с носом корабля: “its edge sharp as a ship-keel facing east”, “those in the Citadel might, like mariners in a mountainous ship, look from its peak sheer down upon the Gate”. Хотя гребень выше перевала (поднимается до седьмого яруса), целиком этот «вырост» Миндоллуина может действительно напоминать гигантский корабль, на месте мачты которого находится Башня. Учитывая любовь нуменорцев к гигантским монументам, с них станется использовать и перекрыть естественный рельеф, чтоб создать такой своеобразный памятник кораблю.

Сходство гребня с кораблем может косвенно указывать на то, что его длина должна быть ощутимо больше высоты.

Минас Тирит разделен на семь кругов, ярусов (circles), они же семь уровней (levels). Обычно это понимается так, что город в буквальном смысле разделен на круги – правильные кольцевые концентрические стены и равные промежутки ярусов между ними. Рисунки Профессора также демонстрирует семь одинаковых концентрических колец.

Однако в тексте книги есть прямые противоречия этой схеме:

а) ярусы города разной толщины: “He [Pippin] came at last by arched streets and many fair alleys and pavements to the lowest and widest circle” (*LotR*, “*Minas Tirith*”);

б) в главе «Осада Гондора» мы узнаём, что Главные ворота города защищены бастионами:

It was against the Gate that he would throw his heaviest weight. Very strong it might be, wrought of steel and iron, and guarded with towers and bastions of indomitable stone, yet it was the key, the weakest point in all that high and impenetrable wall (*LotR* “*Siege of Gondor*”).

Это подразумевает, что, по меньшей мере, внешняя стена города – не окружность, а более сложная фигура. Есть также и авторская схемка Миндоллуина, на которой Сторожевой Холм по форме весьма далек от окружности (см. **рис.5**).

Первый ярус – самый широкий. Насколько широкий?

а) приезжий вынужден спрашивать, где находится та или иная улица: “there he [Pippin] was directed to the Lampwrights’ Street” (*LotR*, “*Minas Tirith*”). Если бы улица была всего одна, спрашивать не пришлось бы, не так ли?

б) Саурон разработал специальные орудия, стреляющие очень высоко, чтобы перестреливать через первую стену Города (та отличалась особой высотой). Но как бы высоко ни стреляли специальные орудия, их снаряды падают в первом ярусе и не долетают до второго. Они не долетают, кажется, даже до стены второго яруса, падая где-то в глубине первого яруса, и разжигают там пожары. В главе нет ни единого замечания о бомбах, отскакивающих от второй стены.

в) при Короле Элессаре в городе появляется много растительности и фонтанов. Для них нужны место и свет. Если Сторожевой Холм крутой и так густо застроен высокими стенами и зданиями, что остаются лишь узкие глубокие колодцы улиц, то места для растительности в нём нет. К тому же, северные склоны холма и, соответственно, добрая половина города никогда не увидят солнца, так что расти там ничего не сможет.

г) во время осады Города Пиппин бежит с седьмого яруса в первый, на главную стену, искать Гэндальфа. В это время на первой стене в самом разгаре штурм, подползает Гронд, на стену в разных местах бросаются мумаки, стреляют осадные орудия (engines), функционируют осадные башни (про них написано, что они «то и дело взрываются, как гигантские факелы»,

что подразумевает, что не только мордорцы стреляют бомбами, но и гондорцы). Всё это должно сопровождаться воплями и грохотом орудий, а может, и лязгом холодного оружия, если подползли какие-то из осадных башен и на стену полезла пехота. Тем не менее, стоя у Вторых ворот, Пиппин не слышит шума сражения на первой стене:

At last he was through the Second Gate, beyond which great fires leaped up between the walls. Yet it seemed strangely silent. No noise or shouts of battle or din of arms could be heard (*LotR "Siege of Gondor"*).

Конечно, первый ярус охвачен пожарами, шум которых не может не заглушать тихие звуки; но если бы от второй стены до первой было два дома, шум битвы не мог быть приглушен расстоянием так, чтоб спрятаться за шумом пожара.

Остальные ярусы города уже первого, но и там одной улицей всё не ограничивается. Упоминается, что Пиппин миновал множество улиц, аллей и мостовых, прежде чем достичь первого яруса: "arched streets and many fair alleys and pavements to the lowest and widest circle".

Между Главными воротами города (теми, что в первой стене) и подножьем каменного гребня в первом ярусе находится некий «широкий двор» (wide court). «Широкий» (wide) подразумевает, что он действительно большой. Учитывая титанические размеры как ворот, так и монумента, это может быть, не как у Питера Джексона, небольшое местечко для десятка лошадей, а какая-нибудь огромная эспланада, усаженная деревьями и фонтанами. От неё расходятся многочисленные улицы.

Удобнее всего уточнить истинные размеры города можно было бы, зная численность его населения; но, увы, нам она неизвестна. Тем не менее, есть некоторые намёки, по которым можно реконструировать хотя бы порядок этой величины.

Во-первых, говорится, что в городе сосредоточена очень большая доля жителей всего Гондора: "the most part of the people of Gondor lived in the seven circles of the City, or in the high vales of the mountain-borders, in Lossarnach, or further south in fair Lebennin" (*LotR, "Minas Tirith"*). Население города сравнимо с населением целых регионов!

Во-вторых, в преддверии войны с Сауроном ожидалось прибытие в Минас Тирит пятнадцатитысячной армии, если не большей, и две трети из них – конные, хотя на практике прибыло менее 3000 ополченцев, чем жители были сильно разочарованы: "And that was all, less than three thousands full told. No more would come. Their cries and the tramp of their feet passed into the City and died away" (*LotR, "Minas Tirith"*). А войско рохирримов вообще не успело попасть в город. При этом Денетор совершенно не беспокоится о размещении войск союзников. Напротив, по его суждению, «могучей армии рохирримов лучше быть внутри его стен, чем снаружи»:

...the Lord Denethor bids me say that he judges that the strong arms of the Rohirrim would be better within his walls than without. <...> Ten thousand spears I might have sent riding over the plain to the dismay of your foes. It will be less now, I fear; for I will not leave my strongholds all unguarded. Yet six thousands at the least shall ride behind me (*LotR, "The Muster of Rohan"*).

Также он слал заверения в готовности Города принять войско:

Have you good store in Minas Tirith? For if we must ride now in all haste, then we must ride light, with but meal and water enough to last us into battle.' 'We have very great store long prepared,' answered Hirgon. 'Ride now as light and as swift as you

may! (*LotR, "The Muster of Rohan"*).

Сложно представить, каким образом была переоборудована жилая застройка под стойла для роханских коней, но это, видимо, было сделано, раз рохирримов с такой уверенностью зазывали в город. Лошади при таком раскладе займут места никак не меньше, чем люди. А это значит, что Минас Тирит даже по самой скромной оценке способен вместить не меньше 30 000 человек. Но большая цифра прозвучала бы убедительнее, учитывая, что в городе есть собственное население.

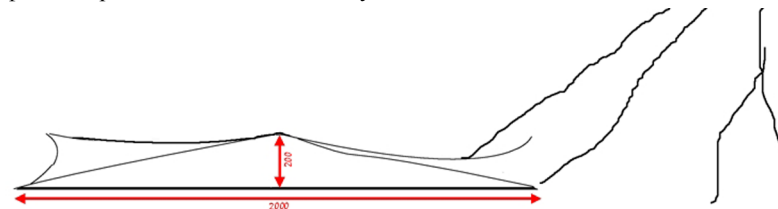
Могут ли поместиться тридцать тысяч человек в городе, который обычно изображают на «шишке» с крутыми склонами по мотивам схем Профессора?

Поскольку известна высота холма, не составит труда высчитать диаметр его подошвы. Карта питерджексоновского Минас Тирита сулит примерно 700-метровый диаметр, но замеры линейкой дают не больше 400 м (см. **рис.6**). У тед-наситовского Минас Тирита получается диаметр, приблизительно равный 800 м. Между тем, в реально существующем французском городе Мон-Сен-Мишель (см. **рис.7**), расположенном на холме диаметром 930 м и высотой 92 м, население в историческом максимуме составляло всего 1200 человек.

Замеры на картах (см. **рис. 8, 9**) показали, что города с населением от 10 000 до 100 000 и даже 200 000 имеют примерно одинаковые размеры – от 2 до 6 км в поперечнике. Видимо, всё зависит от характера застройки и оптимизации пространства.

Главный вывод отсюда для нас таков: какова бы ни была точная величина населения Минас Тирита, город должен иметь поперечник никак не меньше пары километров.

Профиль Сторожевого холма в этом случае выглядит так:

Это минимальное значение. Скорее всего, он еще шире. А город вокруг может разрастись еще немного шире, ведь нигде не сказано, что главная стена расположена точно по подножью Сторожевого холма.

Конечно, на таком холме Белая Башня уже не будет выглядеть монументально. Она будет маленькой и тоненькой. Но она такой и должна быть! Пиппин, наблюдающий город в непосредственной близости, сравнивает её с иглой:

Then Pippin cried aloud, for the Tower of Ecthelion, standing high within the topmost walls' shone out against the sky, glimmering like a spike of pearl and silver, tall and fair and shapely, and its pinnacle glittered as if it were wrought of crystals; and white banners broke and fluttered from the battlements in the morning breeze' and high and far he heard a clear ringing as of silver trumpets. (*LotR, "Minas Tirith"*).

Она привлекает к себе внимание не потому, что доминирует над пейзажем, как небоскрёб, а благодаря своей исключительной белизне и сиянию шпиля: она является, видимо,

самым светлым объектом города, несмотря на то, что в остальных ярусах есть и другие башни, тоже белые и тоже тонкие: “and they saw the towers of the City far below them like white pencils touched by the sunlight” (*LotR, “The Steward and The King”*).

Город представляется полностью белокаменным. Таким его видят Пиппин с Пеленнора, Леголас из Эдораса, Фродо с Амон Хена и Арагорн с Миндоллуина. Действительно, белый цвет является преобладающим, это неоспоримо. В него покрашены все доминанты – башни, стены, бросающиеся в глаза при первом взгляде.

Но в главе «Минас Тирит» Пиппин подходит на Рат Калердайн к зданию серого цвета. А в главе «Осада Гондора» мы узнаем, что наружная стена города – тёмная.

Можно ли увязать между собой это краткое, мимолетное описание стены с многочисленными видениями белокаменного города? На самом деле, можно.

Леголас, заметивший вдали белую искру, видел не весь город, и даже не всю Башню, а лишь её шпиль:

It seemed to Legolas, as he strained his farseeing eyes, that he caught a glint of white: far away perchance the sun twinkled on a pinnacle of the Tower of Guard (*LotR, “King of the Golden Hall”*).

Пиппин с Гэндальфом прибыл в Минас Тирит ранним утром:

Even as Pippin gazed in wonder the walls passed from looming grey to white, blushing faintly in the dawn; and suddenly the sun climbed over the eastern shadow and sent forth a shaft that smote the face of the City (*LotR, “Minas Tirith”*).

Стоял густой туман. Потом погода начала улучшаться, так что при подъезде к Городу стало возможным увидеть отдаленные сооружения. Пиппин увидел белые стены, когда посмотрел вверх, и первый луч зари упал на Башню Эктелиона. Его глазам предстали верхние ярусы! Нижние находятся пока что в тени, а также могут быть засланы не до конца улетучившимся туманом.

Арагорн и Гэндальф, поднявшись на склон Миндоллуина, видят Минас Тирит сверху:

...and they saw the towers of the City far below them like white pencils touched by the sunlight. (*LotR, “The Steward and The King”*)

Фродо из кресла Амон Хен видит белостенный замок, каким его обычно рисуют:

Far away it seemed, and beautiful: white-walled, many-towered, proud and fair upon its mountain-seat; its battlements glittered with steel, and its turrets were bright with

many banners (*LotR, “Breaking of the Fellowship”*).

Но оттуда же он видит Минас Моргул, который кажется ему больше и сильнее:

But against Minas Tirith was set another fortress, greater and more strong. Thither, eastward, unwilling his eye was drawn. It passed the ruined bridges of Osgiliath, the grinning gates of Minas Morgul, and the haunted Mountains, and it looked upon Gorgoroth, the valley of terror in the Land of Mordor. Darkness lay there under the Sun. Fire glowed amid the smoke. Mount Doom was burning, and a great reek rising. Then at last his gaze was held: wall upon wall, battlement upon battlement, black, immeasurably strong, mountain of iron, gate of steel, tower of adamant, he saw it: Barad-dûr, Fortress of Sauron. (*LotR, “Breaking of the Fellowship”*)

Минас Моргул назван городом (the city) в «Совете Элронда», однако Фродо, Сэм и Голлум не видят ничего, похожего на город, когда оказываются в непосредственной близости от Минас Моргула. В то же время, видение с Амон Хена – единственное место в книге, где Минас Тирит назван крепостью (fortress). В остальном массиве книги речь идет о городе (the city). Так называет его Элронд: “...and it is called Minas Morgul, the Tower of Sorcery. Then Minas Anor was named anew Minas Tirith, the Tower of Guard; and these two cities were ever at war” (*LotR, “Council of Elrond”*). Ему вторят Арагорн: “How my heart yearns for Minas Anor and the walls of my own city!” (*LotR, “Great River”*) и Фарамир: “I love only that which they defend: the city of the Men of Númenor; and I would have her loved for her memory, her ancientry, her beauty, and her present wisdom” (*LotR, “Window on the West”*).

Снова вспомним, что изначально Минас Анор и Минас Итиль были крепостями, защищающими Оспилят: Минас Итиль – от мордорской угрозы, Минас Анор – от дикарей Семиречья. Логично предполагать, что крепость Минас Итиль должна быть крупнее и лучше с точки зрения фортификации, нежели Минас Анор – ведь с Востока угроза серьезнее.

Вспомним также, что Минас Моргул размещен в ущелье, а Минас Тирит, наоборот, на холме, выдающемся на равнину, как перст. Теперь сделаем допущение, что обе крепости со временем стали обрастать городами (пока не будем уточнять, когда именно произошел рост городов), как это всегда бывало и в земной человеческой истории. Для того чтобы город Моргул был защищен крепостью, его следует поместить дальше вглубь ущелья: тогда единственный подход к городу со стороны неприятеля – Гондора – окажется прегражден крепостью. А должен ли в Моргуле быть мордорский город? Да. Потому что здесь расквартирована гигантская армия. Но к постройкам нуменорцев этот город не имеет ни малейшего отношения, его строил Саурон для нужд своей армии. А во времена нуменорцев город при Минас Итиль вырасти не должен был: слишком это удаленная и изолированная от остальной страны точка.

Минас Анору с топографией повезло гораздо меньше, вернее сказать – вообще не повезло. Как город ни разместить, неприятель сможет обойти крепость по равнине. Поэтому логичнее всего город наращивать кольцом вокруг замка и обносить все новыми стенами. Тогда верхние ярусы города – собственно замок, а нижние ярусы – город.

Фродо видел с Амон Хен именно замковую часть обоих городов! От его внимания ускользнула не только гражданская застройка Минас Тирита, каковой должно быть много, но и Раммас Эхор на Пеленноре, и, продолжая мысль, нижняя стена Города, которая, будучи тёмной,

могла за далью «сливаться с фоном».

«Замковые» верхние ярусы вполне могут быть именно такими, какими изображают весь Минас Тирит на большинстве иллюстраций: узкие, компактные, жмущиеся к вершине холма. А поскольку это центр города, – исторический и дворцовый – а также и лицо города, которое видят все приезжающие или смотрящие на Минас Тирит издалека, то его архитектурному облику будет уделяться самое пристальное внимание. Вполне вероятно, что изначально стены замка не были белокаменными, но были облицованы, чтобы создать ансамбль.

Нижний же город не настолько официозен, поэтому здесь не обязательно соблюдать «дресс-код».

История Минас Тирита в контексте истории Гондора

Мы сможем яснее представить облик Города, если реконструируем историю его становления. Специальных документов, посвященный ей, нет, зато есть достаточно подробная хроника истории Гондора. В ней содержится несколько важных дат из истории Минас Тирита, а также подробные сведения об общем положении дел в Гондоре; и если допустить, что в Арде состояние государства и общества отражается на городах так же, как в нашем мире, то нам удастся выстроить достаточно детальную ретроспективу Минас Тирита. Посмотрим, подтвердит ли она полученную в предыдущей главе картину.

Итак, Минас Тирит (Анор) основан между 3320 и 3429 гг. ВЭ. В 3429 году, на который приходится начало войны Последнего Союза, уже существуют оба замка – Минас Итиль и Минас Анор – и город Осгилиат. Замки предназначены для защиты города: Минас Анор прикрывает столицу с запада как защита от «дикарей долин», людей Семиречья – территорий, которые в конце Третьей Эпохи мы воспринимаем как собственно «Гондор», а Минас Итиль – с востока, как угроза Мордору:

The chief city of this southern realm was Osgiliath, through the midst of which the Great River flowed; and the Númenóreans built there a great bridge, upon which there were towers and houses of stone wonderful to behold, and tall ships came up out of the sea to the quays of the city. Other strong places they built also upon either hand: Minas Ithil, the Tower of the Rising Moon, eastward upon a shoulder of the Mountains of Shadow as a threat to Mordor; and to the westward Minas Anor, the Tower of the Setting Sun, at the feet of Mount Mindolluin, as a shield against the wild men of the dales (*Silmarillion*, “*Of the Rings of Power and the Third Age*”).

Таким образом, Минас Итиль изначально предназначена для борьбы с более крупной угрозой, и несёт более агрессивные функции. Неудивительно, что «замок» Луны оказывается «больше и сильнее» «замка» Солнца: “against Minas Tirith was set another fortress, greater and more strong” (*LotR*, “*Breaking of the Fellowship*”).

Некоторые могут возразить против такого толкования роли Минас Итиля в текстах,

апеллируя к убеждению Исильдура и Анариона, будто Саурон сгинул вместе с Нуменором:

They founded there Osgiliath, between Minas Ithil and Minas Anor, not far from the confines of Mordor. For this good at least they believed had come out of ruin, that Sauron also had perished (*LotR*, *Appendix A*, *The Numenorean Kings*).

Однако Мордор – это не только Саурон. Это северо-западный укрепленный форпост огромной империи, народы которой издавна настроены против эльфов и дунэдайн; хотя Враг и сдался, там осталось множество его слуг, не только малых, но и великих. И не в последнюю очередь – людей Нуменора:

And Sauron gathered to him great strength of his servants out of the east and the south; and among them were not a few of the high race of Númenor. For in the days of the sojourn of Sauron in that land the hearts of well nigh all its people had been turned towards darkness. Therefore many of those who sailed east in that time and made fortresses and dwellings upon the coasts were already bent to his will, and they served him still gladly in Middle-earth (*Silmarillion*, “*Of the Rings of Power and the Third Age*”).

...Так что предполагаемая гибель Саурона не делала Мордор безопасным, а его рабов – лишившимися хозяев. И эти хозяева ненавидели королевство Элэндила:

The great cape and land-locked firth of Umbar had been Numenorean land since days of old; but it was a stronghold of the King's Men, who were afterwards called the Black Numenoreans, corrupted by Sauron, and who hated above all the followers of Elendil. After the fall of Sauron their race swiftly dwindled or became merged with the Men of Middle-earth, but they inherited without lessening their hatred of Gondor (*LotR*, *Appendix A*, *Gondor and the Heirs of Anarion*).

Примечательно, что Саурону удается захватить Минас Итиль, но не удается – Осгилиат. Это достаточно странно: почему получилось взять крепость, но не получилось – город, который та самая крепость призвана была защищать конкретно от этого самого врага? Если крепость не была ещё построена, то город и подавно должен быть слаб и незащищен, а если крепость уже завершена, то как её захватили? Фактор неожиданности – не годится, так как Саурон вернулся в Мордор за девять лет до этого. Или это было военное превосходство? Тогда город и подавно должны были взять, раз уж сдюжили крепость. А может, Анарион был гением военной мысли и грамотно построил оборону, в отличие от Исильдура, который обладает талантами скорее по гражданской части?

В Приложении В сказано, что Анарион оборонял Осгилиат и Минас Анор:

3429. Sauron attacks Gondor, takes Minas Ithil and burns the White Tree. <...> Anarion defends Minas Anor and Osgiliath (*LotR*, *Appendix B*).

Но ведь Крепость Солнца на противоположном от Саурона берегу Андуйна! Прежде, чем напасть на неё, враг должен пройти Осгилиат. И в главе «О Кольцах Власти и о Третьей Эпохе», рассказывающей о военных действиях в Гондоре даже чуть подробнее «Повести лет», никакие нападения на Минас Анор не упомянуты. Надо думать, Анарион не оборонял, а готовил к обороне Минас Анор, а раз так, то, видимо, он рассчитывал на худшее – потерю Осгилиата – и только фортуна и военное мастерство отвратили развитие худшего сценария.

Другой важный момент – Белое Дерево, оказывается, изначально находилось в Минас Итиле. Видимо, нуменорцы до Войны Последнего Союза планировали (и хотели?), чтобы Минас Итиль был более важным центром, нежели Минас Анор! Там – дом наследника Верховного

Короля, там же Белое Дерево. Видимо, в этом сыграло свою роль чувство эйфории и бравада после победы нуменорцев над Сауроном: мол, мы своё самое святое принесём прямо на останки врага, и ничего нам за это не будет.

Но суровая реальность навела свои порядки. Каким чудом уцелел род Белого Дерева, непонятно. Что побудило Исильдура размножить совсем ещё юное (129 лет) Белое Дерево Минас Итиля, и где был проросток, когда разразилась беда в Минас Итиле? Возможно, здесь также сработало чистое везение, и юное Белое Дерево Итиля дало плод.

В любом случае, Исильдур внял горькому опыту и новое Дерево посадил в наиболее удаленной от Саурана крепости (даже не в столице – Осгилиате, – а в Минас Аноре!).

Мог ли Минас Анор на этом этапе быть городом? Если да, то минимальным. Гондор пока еще молодое государство, со всех сторон окруженное врагами. Минас Анор по отношению к Осгилиату выполняет примерно ту же роль, что Кронштадт (рис.10) для молодого Петербурга. Вот как описан Кронштадт спустя 90 лет после своего основания: «Город занимает наиболее к востоку находящуюся часть острова, велик, с множеством хороших домов, церквями, публичными зданиями; но ради великого числа малых домов, пустых мест, немощёных, часто грязных улиц и прочего не имеет хорошего вида. Оный многолюден и имеет также Немецкую и Английскую церковь, содержит не более 204 записанных мещан; прочие жители принадлежат по большей части к флотскому штату, к таможене, и многие суть не постоянные и на время токмо поселившиеся жители» (Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербург и достопримечательностей в окрестностях оного).

То есть: 204 жителя плюс армия. Церквей нуменорцы не строили, грязных улиц не потерпели бы; много пустого места при их малочисленности было бы нерационально (труднее оборонять). Кроме того, в Минас Аноре, в отличие от Кронштадта, нет промышленности (в Кронштадте с самого начала были верфи, занимавшие значительную часть старого города и требовавшие рабочих на ПМЖ), так что гражданских лиц в раннем Минас Аноре может быть ещё меньше, да и занимаемая площадь значительно скромнее. И мы видим, что город-крепость на страже молодой столицы вряд ли будет красив и удобен. Гигантских «многобашенных» ярусов с большими зданиями дивной красоты здесь быть не должно.

Это подтверждает следующее значительное событие, связанное с Минас Анором: в 420 году ТЭ Король Остохер перестраивает крепость и размещает здесь свою летнюю резиденцию. Отныне и впредь короли живут здесь каждое лето.

Значит, во-первых, до этих пор Минас Анор, хотя и являлся вотчиной королей Гондора, был непригоден для размещения двора.

Во-вторых, раз короли решили проводить здесь по нескольку месяцев кряду, Минас Анор приобрел уже большее значение, нежели приграничный военный городок. Действительно, миновавшие 400 лет были временем мира. Гондор беспрепятственно развивался и, должно быть, расширил границы зон влияния. Минас Анор оказался в точке, где не могут не сходитьсь любые сухопутные дороги, соединяющие юг Гондора с Осгилиатом и северными территориями (Анориеном и Каленардон), ведь, хотя Семиречье по-прежнему наводнено дикарями, на морском побережье существуют древние поселения нуменорцев, и их сообщение со столицей вряд ли ограничивалось лишь водной дорогой по Андуну.

О сухопутном пути из Минас Анора к морю упоминается в песне Леголаса (хотя принц лесных эльфов прежде не посещал эти края лично, географию он мог знать):

O Boromir! Beyond the gate the seaward road runs south,
But you came not with the wailing gulls from the grey sea's mouth.

(LotR, "The Departure of Boromir")

На карте Третьей Эпохи эта дорога тоже изображена: она ведёт из Минас Тирита в Пеларгир почти по прямой, пересекая броды Эруи.

Помимо роли транспортного узла, Минас Анор стал значительным культурным центром, каковым его сделал еще дальновидный Исильдур: здесь растёт Белое Дерево, на Миндоллуине находится святилище, в котором короли Гондора отправляют культ Эру, а в цитадели крепости – библиотека, основанная тем же Исильдуром.

Экономическая и культурная значимость не могла не вызвать постепенный рост Минас Анора как «гражданского» города, а перестройка, проведенная Королем Остохером, призвана привести облик города в вид, подобающий статусу культурного центра, и одновременно модернизировать фортификационные качества в соответствии с новыми задачами.

Между тем, сразу после модернизации Минас Анора начинаются войны с вастаками. Можно предположить, что до сих пор развитие Гондора было в большей мере интенсивным на уже освоенных территориях, а с этого момента произошел резкий крен в пользу экстенсивного роста с освоением новых территорий. Гондорская культура, наконец, «выплеснулась» наружу, а окружающие народы отреагировали на это усилением агрессии против неё, что вполне закономерно.

Скорее всего, именно в это время Минас Анор начинает обрастать своими теперь уже городскими, а не просто крепостными стенами.

По-видимому, с Минас Итилем ничего подобного не происходит. В самом деле, даже относительно итилиенского перекрёстка дорог замок несколько в стороне. И он как был, так и остался на самой границе государства: расширения Гондора по ту сторону Минас Итиль не произошло.

Еще 500 лет спустя Гондор достигает вершины своего могущества.

С 913 года ТЭ так называемые «корабельные» короли начинают широкую морскую экспансию. Уже при первом из них, Таранноне Фаластуре, происходит «расширение власти Гондора вдоль побережий на запад и на юг от Устьев Андуйна», так что он принимает имя «Владыки Берегов». По-видимому, в его правление Семиречье оказывается под контролем Гондора, поскольку следующий же король (Эарниль I) обращает взор на Умбар. Ряд победоносных войн венчается в 1050 году присоединением всех южных земель вплоть до реки Харнен и Умбара включительно, и признанием владычества Гондора королями Харада и народами Долин Андуйна. Еще 200 лет Гондор живет в зените величия, не зная бед. Границы государства – максимальные за всю историю: Грейфлуд, Келебрант, юг Сумеречья, море Рун, река Харнен, полуостров Умбар и полоска побережья до него. Богатство – такое, что о стране говорят, будто «в Гондроре драгоценные камни – что галька, которой играют дети».

Именно в это время логично ожидать самого бурного роста гондорских городов, в том числе Минас Анора, оказавшегося в геометрическом и функциональном центре большого государства. Думается, «первый» – крупнейший из всех – ярус Города вырос именно тогда. В то же время, нет никакой необходимости строить вокруг него пресловутую «главную стену»:

Саурана и след простыл, бывшие дикари долин превратились в коренных гондорцев (вроде Форлонга, владетеля Лоссарнаха), а границы государства отодвинулись очень далеко. Хотя именно сейчас Гондор обладает максимумом ресурсов для возведения подобного сооружения.

В 1200-х гг наступает переломный момент в истории: развитие Гондора сменяется стагнацией, а позже – регрессом, который так и не удастся остановить вплоть до коронации Короля Элессара, то есть последующие 1800 лет. Очевидно, именно в этой эпохе происходят угасание и утрата нуменорского знания. Чем дальше, тем глубже упадок, всё больше препятствий и меньше возможностей для возведения значительных сооружений, требующих глубоких инженерных познаний, поэтому всё меньше вероятность постройки стены.

При наместниках в Гондоре уже глубокое «средневековье»:

The second reason was the decay of Gondor, and the waning of interest in or knowledge of ancient history among all but a few even of the high men of the realm, except in so far as it concerned their genealogies: their descent and kinship. Gondor after the Kings declined into a “Middle Age” of fading knowledge, and simpler skills. Communications depended on messengers and errand-riders, or in times of urgency upon beacons, and if the Stones of Anor and Orthanc were still guarded as treasures out of the past, known to exist only by a few, the Seven Stones of old were by the people generally forgotten, and the rhymes of lore that spoke of them were if remembered no longer understood; their operations were transformed in legend into the Elvish powers of the ancient kings with their piercing eyes, and the swift birdlike spirits that attended on them, bringing them news or bearing their messages (*UT, The Palantíri*).

Масштабы и характер строев последних столетий перед Войной Кольца (Раммас Эхор, пришедшая в аварийное состояние меньше чем за 100 лет, убежища в Итилиене вместо крепостей, система сигнальных огней вместо палантиров) косвенно указывают на то, что лет за 500 до Войны Кольца утрата древних знаний в Гондоре достигла катастрофических масштабов. О правлении Наместника Кириона (2489-2567) сказано, что к этому времени «the reach of Gondor had grown short». Если Гондор не помнит, что такое Палантир, может ли он помнить, как резать холмы, «будто охотник, разделявающий дичь»? В этом периоде Стена уже не может быть построена чисто технически.

Но до начала эпохи упадка не было причин строить стену. Аналогично – в 2063-2460 годах – период Долгого Мира; а после 2460 года упадок Гондора должен быть уже слишком глубок. Значит, стена была возведена не ранее 1200 и не позднее 2063 г. Попробуем уточнить эту дату.

Регресс Гондора проходил неравномерно. Были этапы относительной стабильности, когда удавалось худо-бедно сохранять уровень и даже слегка подниматься (подъемы всегда лишь кажущиеся относительно глубины предшествовавших кризисов и падений; восстановление никогда не позволяет достичь докризисного уровня), были острые кризисы, когда за несколько лет происходило сокрушительное падение.

Началось всё с затяжного зстоя, когда гондорцам стало попросту лень напрягаться. Праздность привела к утрате военной эффективности; результат – проблемы с вастаками, вынудившие, в конце концов, гондорцев искать союзников среди аборигенов Средиземья. На состоянии научно-инженерного знания ситуация пока не сказывается; доказательством тому – строительство Аргоната между 1304-1366 Королем Ромендакилем II (о строительстве Аргоната не упомянуто в хронике; об этом есть лишь беглое замечание в рассказе о взаимоотношениях Ромендакиля с северными народами). Но главную стену строить пока что незачем – вастаки

ещё достаточно далеко, а Саурон по-прежнему прячется. К тому же, оборона Осгилиата от любой угрозы с востока обладает безусловным приоритетом.

Далее разразилась череда великих бедствий.

Первое – гражданская война 1432–1447 гг. В ходе войны был разорен и сожжен Осгилиат (приговор Осгилиату вынесли сами же гондорцы!), и погибло очень много «высоких» нуменорцев:

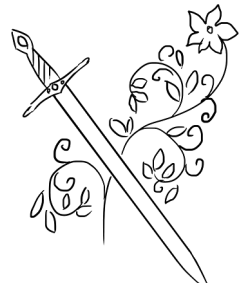
When the confederates led by descendants of the kings rose against him [King Eldacar], he opposed them to the end of his strength. At last he was besieged in Osgiliath, and held it long, until hunger and the greater forces of the rebels drove him out, leaving the city in flames. <...> Castamir ... was a cruel man, as he had first shown in the taking of Osgiliath. He caused Ornduil son of Eldacar, who was captured, to be put to death; and the slaughter and destruction done in the city at his bidding far exceeded the needs of war. <...> There was a great battle in Lebennin at the Crossings of Erui, in which much of the best blood in Gondor was shed (*LotR, Appendix A, “Gondor and the Heirs of Anarion”*)

Всего через 200 лет (по нуменорской мерке это не больше двух поколений) – в 1636 году – с востока приходит Великая Чума, выкосившая Гондор настолько, что «если бы враги Гондора сами не пострадали от неё, они могли бы без труда захватить страну». Чума добила Осгилиат, умертвила короля и его детей, сильно ударила по численности нуменорцев, и без того катастрофически сократившейся в результате войны; в это же время умерло Белое Дерево, посаженное Исильдуром.

Через 4 года новый Король Тарондор перенес столицу в Минас Анор, забросив Осгилиат и крепости на рубежах Мордора. Именно в это время люди (по крайней мере, гражданское население) оставили Минас Итиль.

Then the forts on the borders of Mordor were deserted, and Minas Ithil was emptied of its people; and evil entered again into the Black Land secretly, and the ashes of Gorgoroth were stirred as by a cold wind, for dark shapes gathered there. It is said that these were indeed the Úlairi, whom Sauron called the Nazgûl, the Nine Ringwraiths that had long remained hidden, but returned now to prepare the ways of their Master, for he had begun to grow again (*Silmarillion, Of the Rings of Power and the Third Age*).

Вот теперь появилась серьезная причина строить вокруг Крепости Солнца великую стену: Мордор остался без охраны, границы государства снова придвинулись вплотную, враг теперь мог выскочить откуда угодно и когда угодно без предупреждения, а Минас Анор остался последним оплотом. Но доставало ли у Гондора к тому периоду знаний и сил, чтоб осуществить такую стройку? Гражданская война сильно сократила именно нуменорскую составляющую жителей Гондора; чума страшно ударила по всем без разбора, в том числе и по не успевшим восстановиться нуменорцам. После двух таких бедствий, произошедших буквально одно за другим, нуменорцам, надо полагать, стало уже не до великих свершений: выжить бы. Мы видим, что они отчаялись реанимировать Осгилиат и бросили его; то есть у них нет сил даже на ремонт. Про Короля Тарондора так и сказано, что, хотя его правление было самым долгим в истории, он не сделал ничего выдающегося, а только залечивал раны. Вполне вероятно, что когда спустя лет 100-200-300 народ снова почувствовал себя хорошо и задумался

о больших делах, он с удивлением обнаружил, что знания и инженерия уже не те. Так, в 1900 году, спустя 250 лет после чумы, строится Белая Башня Минас Анора (возможно, как памятник по случаю большой победы, см. хронологию), которая... еще через 700 лет перестраивается наместником Эктелионом I. Как это понимать? То ли архитектура первоначальной Башни «была недостаточно красива для столицы» (аналогично, скажем, четырем перестройкам Исаакиевского собора в Петербурге, с целью сделать собор более красивым), то ли попросту было утрачено искусство строительства «на века», так что за 700 лет Башня пришла в аварийное состояние и была обновлена.

Башня показывает масштаб великих – достойных упоминания в хрониках – построек наступившей эпохи. Вероятно, возведение главной стены Минас Анора должно случиться раньше, когда по техническим возможностям гондорцев оно ещё не явилось бы колоссальной сверхзадачей. И уж если упомянуто возведение Белой Башни, то возведение Великой Стены и подавно должно попасть в хронику.

Восстановить былые высоты просвещения после чумы так и не удалось, видимо, из-за крепнущей тенденции к замещению нуменорского народа приезжими из менее развитых стран: «невежды» в большом числе прибывали в королевство быстрее, чем успевало распространяться просвещение; либо из-за катастрофического сокращения численности мастеров знания.

Получается, несколько столетий после чумы – это и есть период, когда угасло нуменорское знание. Интервал времени постройки Главной Стены Минас Тирита сузился, таким образом, всего до 200 лет: примерно с 1400 до 1600 года, то есть после Аргоната и до чумы. Сюда попадает одно крупное событие – гражданская война; а Саурон по-прежнему сидит более-менее недокучливо.

Могла ли гражданская война привести к постройке главной стены Минас Тирита? Чтоб ответить на этот вопрос, подробно остановимся на истории войны.

Война началась сразу после смерти Короля Валакара и восшествия на престол короля-полукровки Эльдакара. Первый раунд войны длится с 1432 по 1437 год. Восстают приморские края и флот, «чистокровные» нуменорцы, не желающие служить королю, в котором половина крови – из «меньших» людей. Они нападают на северные территории, осаждают Оспилят и вынуждают Эльдакара бежать на север в Рованион. После взятия Оспилята узурпатор Кастамир санкционировал грабёж и сожжение города (причём «разорение города далеко превзошло то, что обычно бывает в войну»):

Castamir had not long sat upon the throne before he proved himself haughty and ungenerous. He was a cruel man, as he had first shown in the taking of Osgiliath. He caused Ornendil son of Eldacar, who was captured, to be put to death; and the slaughter and destruction done in the city at his bidding far exceeded the needs of war. This was remembered in Minas Anor and in Ithilien; and there love for Castamir was further lessened when it became seen that he cared little for the land, and thought only of the fleets, and purposed to remove the king's seat to Pelargir (*LotR, Appendix A, Gondor and the Heirs of Anarion*).

Обратим внимание – «это запомнили в Минас Аноре и Итилиене», а не в Минас Аноре и Минас Итиле, что служит подтверждением раннее сделанного вывода о том, что к данному

моменту Минас Анор уже обладает самостоятельным значением – является крупным городом, – а вот Минас Итиль так и остался крепостью.

Далее, объявив себя королем, Кастамир демонстративно «поворачивается задом» к северным территориям, вплоть до того, что хочет перенести столицу в Пеларгир. Недовольные жители северных территорий потихоньку бегут в Рованион к Эльдакару, и в конце концов их там скапливается столько, что ровно через 10 лет – в 1447 г. – Эльдакар приходит с огромной армией и вышибает узурпатора из Оспилята, затем преследует его на юг, дает большое сражение в Семиречье, в котором гибнет очень много высокородных нуменорцев, и в конечном счете осаждают Пеларгир. Но поскольку мятежникам принадлежит флот, то они грузятся на корабли и уходят за море в Умбар, где Эльдакар их уже не может достать, и там точат зуб на остальной Гондор.

То, как плохо поступили южане-мятежники с северными территориями, показывает, что их недовольство было вызвано далеко не только смешанной кровью короля. Приморские поселения нуменорцев древнее городов севера. Пеларгир – вообще самое древнее поселение Верных в землях современного Гондора; для пеларгирцев Оспилят – новострой. При этом именно на военном и торговом флоте зиждется богатство и величие Гондора, приморские земли – это «житница» (главный донорский регион, выражаясь современным языком) Гондора. Мятежники рассудили так: «МЫ должны кланяться какому-то там полукровке в каком-то там северном аппендиксе?? Надо восстановить справедливость, и пусть север скажет «спасибо», что его вообще оставили в составе страны».

Северяне же видят следующее:

- гондорцы способны убивать гондорцев (это-то как раз не удивительно, нуменорцы испокон веку убивали нуменорцев);
 - кровопролитие может начаться ни за что ни про что, на воспаленном ЧСВ некоторых гондорцев;
 - свои же, гондорцы, причинили столько разрушений, сколько не причинял Южному Королевству даже Саурон;
 - в Умбаре по-прежнему сидят мятежники во главе с наследниками Кастамира, которым ничто не помешает собрать флот и снова подняться по Андуну в Оспилят.
- Закономерным следствием из всего этого может быть лишь одно: превращение Минас Анора, расположенного на подступах к Оспиляту с юга, в такую твердыню, миновать которую не смогут даже дунэдайн во всём их величии.

Действительно. До этого момента гондорцам уже лет 500 как не нет нужды петься о фортификационных качествах Минас Анора. Наоборот, он разрастался как город, с древней крепостью в самом центре.

Почему Король Эльдакар оборонялся от мятежников в Оспиляте, а не в крепости, принадлежащей ему лично как наследство Анариона? Видимо, потому, что в этом случае лежал бы в руинах не Оспилят, а город вокруг Замка Солнца, который имел не больше защиты, чем столица.

Теперь же Минас Анор снова превращается в могучую крепость. Отныне, если вдруг опять заявятся какие-нибудь умбарцы, можно смело эвакуировать всё самое ценное в Минас Анор и чувствовать себя там в относительной безопасности. А если бы оборудовать его хорошей артиллерией, то можно еще и проход по Андуну контролировать, не пропуская врагов к Оспиляту...

В самом деле: в войнах с «умбарскими корсарями» погибли Король Альдамир в

1540 году и Король Минардиль (в Пеларгире, в 1634 году!). Оба – сыновья Короля Эльдакара, братья. Особенно интересна гибель Минардила. Наследники Кастамира в тот раз «опустошили Пеларгир» – видимо, юг Гондора перестал их поддерживать – и убили короля. Что помешало им развить успех дальше на север? Видимо, был какой-то фактор... например – могла уже существовать стена первого яруса Минас Анора.

Теперь вернемся от частных к общему и попытаемся сделать выводы из истории Города и Гондора. Наиболее важными для нас окажутся следующие:

1. В хрониках зафиксированы факты перестройки Минас Тирита, и это значит, что во времена своего основания Город обладал иным обликом, нежели в конце Третьей Эпохи. Хотя ни слова не говорится о том, какие именно это были изменения, наибольшую ценность представляет развенчание мифа о том, что Минас Тирит с самого начала строился нуменорцами в том самом семистенном, многобашенном, белокаменном виде, который привычен нам.
2. История Гондора допускает возможность разрастания Города и последовательного, растянутого во времени (а не одновременного) возведения его стен. Хотя о конкретных датах можно только догадываться, версия о том, что стены города появлялись в течение нескольких тысяч лет, по меньшей мере не запрещена первоисточником. А иногда даже косвенно подтверждается.

Расчет общей численности союзных армий при Пелленорской битве, с основанной на ней оценкой численности населения Минас Тирита

Попробуем оценить, сколько войск находилось в Минас Тирите к началу осады, и сколько войск Денетор рассчитывал получить в подкреплениях (и, соответственно, расквартировать в Минас Тирите).

Размер гарнизона Минас Тирита нигде не оговаривается. Единственное свидетельство, относящееся к нему, - это замечание, что после того как Арагорн увел некоторую часть объединенного союзнического войска в поход на Мордор, Город остался защищенным лучше, чем до начала осады.

В то же время, численность многих группировок союзнических войск как до, так и после Пеленнора известна точно, для других указаны соотношения с известными величинами. Информация достаточна для того, чтоб путем сопоставления оценить приблизительные размеры всех частей войск.

До Пеленнорской битвы.

На момент начала осады Города войска, имеющиеся в распоряжении союзников, составляли:

1. Постоянный гарнизон Минас Тирита: численность неизвестна.
2. Войска, присланные в Минас Тирит провинциями – «меньше трёх тысяч в общей сложности». Из них:

– Лоссарнах	0,2 тысячи
– Рингло	0,3 тысячи
– Мортонд	0,5 тысяч
– Анфалас	«длинная вереница»
– Этир	0,1 тысячи «или больше»
– Ламедон	«горстка»
– Пиннат Гелин	0,3 тысячи
– Дол Амрот	0,7 тысячи + конная «сопрапу»
3. Войско Теодена: «всего десять тысяч копий». Из них только 6000 участвовало в Пеленнорской битве, остальные остались для обороны Рохана.
4. Войско Арагорна, прибывшее на кораблях: численность неизвестна (после сражения из этого войска осталось 2000 человек).
5. 4000 пеших воинов, высланных Арагорном из Пеларгира в Минас Тирит.

Попробуем найти неизвестные размеры ополчений, присланных из провинций в Минас Тирит.

«Горстка» из Ламедона. Если бы из Ламедона пришла хотя бы сотня, так и было бы сказано, судя по Этиру. Значит, их меньше сотни. С другой стороны, из Этира чуть больше. Будем считать, что эти строки в совокупности дают 0,2 тысячи.

«Конная сопрапу». В нашем мире слово «сопрапу» можно было бы перевести как «эскадрон»; однако для места и времени «Властелина Колец» привычные нам войсковые единицы могут быть неприменимы. Однако происходят они всё-таки из Нового Времени и Средневековья.

Теоден, сообщая своим командирам план сражения перед Пеленнорской битвой, использует слова «сопрапу» и «eored» как синонимы. При этом из «Кириона и Эорла» (УТ) мы знаем, что полностью укомплектованный эоред времён Войны Кольца насчитывал 120 всадников. Будем считать, что «сопрапу» Имрахилия примерно соответствует эореду рохирримов – значит, это ~ 0,1 тысячи.

«Длинная вереница» из Анфаласа. С одной стороны, не может быть меньше или равна отрядам Рингло и Пиннат Гелин, иначе о ней так бы и сказали: «0,3 тысячи». С другой стороны,

в любом случае не достигает 0,7 тысяч, иначе суммарная численность войск, присланных провинциями, окажется «не меньше 3000». Таким образом, отряд Анфаласа составляет 0,4-0,6 тысяч.

В общей сложности подкрепления из провинций составляют 2,7-2,9 тысяч.

Остальные неизвестные пока что не прояснить.

Размеры потерь союзнических войск в Пеленнорской битве.

Размах потерь можно оценить по роханскому войску. Теоден прислал на Пеленнорское поле 6000 всадников. Через 2 дня после битвы, выступая в поход, Эомер увёл 1 тысячу роханцев с собой и оставил для нужд обороны Минас Тирита ещё 3 тысячи. Таким образом, потери убитыми и ранеными составили 2 тысячи – 1/3 из первоначальных 6 тысяч, приведённых Теоденом. Это очень высокие потери!

Можно ли принять коэффициент потерь для остальных войск, участвовавших в Пеленнорской битве, таким же, как для рохирримов? В принципе, конница при плохом течении боя склонна нести потери более высокие, чем пехота. Для рохиррим у нас есть и случай смятой атаки Теодена, и последующая ошибка Эомера, атаковавшего мумаков, так что говорить об удачном течении боя нельзя.

В то же время, пехота тоже несла тяжелые потери, судя по количеству погибших предводителей – Форлонга, Дуилина и Деруфина, Хирлуина, Гримбольда и Хальбарада: это половина лордов провинций. И мы знаем, что значительная масса людей из собственного войска Минас Тирита приняла бой на равнине вскоре после появления рохиррим: Имрахиль оказался у места гибели Теодена вскоре после того, как Эовин с Мериадоком сразили Короля-Призрака, а позже упоминаются столкновения гондорской пехоты с моргульскими легионами «под южными стенами Города» – ещё до появления Арагорна.

В общем, примем коэффициент потерь равным 1/3 для всех войск, участвовавших в Пеленнорской битве.

Численность союзнических войск после Пеленнорской битвы

После битвы лорды собрали:

- 2/3 гарнизона Минас Тирита (1/3 потеряна в битве). Точная численность по-прежнему не известна – обозначим ее «X»;
- 1,8-1,9 тысячи боеспособных воинов из отрядов провинций (2/3 от 2,9 тысяч);
- 4 тысячи рохиррим;
- 2 тысячи людей из войска Арагорна, прибывшего на кораблях (цифра указана в тексте);
- 4 тысячи пехих, подошедшие из Пеларгира.

Итого, в общей сложности от $(11,8 + (2/3)X)$ до $(11,9 + (2/3)X)$. Из них они повели на Мордор 7 тысяч, «оставив Город лучше защищённым, чем до начала штурма». Защита города до начала штурма – это постоянный гарнизон (X) и подкрепления из провинций (2,7-2,9 тысяч). Теперь нам удастся вычислить размер постоянного гарнизона:

$$11,9 + (2/3)X - 7 > 2,9 + X$$

$$\text{Отсюда } X < 6$$

$$\text{Или } 11,8 + (2/3)X - 7 > 2,7 + X$$

$$\text{Отсюда } X < 6,3$$

Как будто бы силы Денетора в Минас Тирите не превышали 6,3 тысячи.

С другой стороны, эта оценка сильно зависит от коэффициента потерь защитников Города. Если принимать его всё-таки меньшим, чем потери конницы, то численность войск Наместника сразу возрастает. Например, при коэффициенте потерь вдвое меньшем – не 1/3, а 1/6 – численность минас-тиритского войска составит 12-15 тысяч.

Сколько войск в общей сложности ожидал получить Денетор?

Итого, размер собственной армии Минас Тирита лежит в диапазоне от 6000 до 12000 человек. Разумеется, это прикидочные значения. Однако они представляются разумными. Если гражданское население Минас Тирита сопоставляется с населением целых регионов, то и его армия должна быть сопоставима с армиями регионов.

Пришедшая из провинций подмога воспринималась как настолько маленькая, что горожане чувствовали разочарование, а Наместник счёл себя преданным. Из Лоссарнах горожане ждали в десять раз больше народу, и объясняли малочисленность людей, пришедших с Форлонгом, умбарской угрозой. Если другие провинции выделили подмогу в той же пропорции, что и Лоссарнах – то есть 1/10 своих сил – то в общей сложности все провинции Гондора располагают тридцатью тысячами ополчения. Конечно, Денетор, будучи умным человеком, не мог не понимать, что отдать все свои армии без остатка провинции не могут – нельзя же оставлять их совсем без защиты! Тем не менее, он мог рассчитывать хотя бы на половину этих сил (ведь Теоден прислал 2/3 своего войска! Хотя Рохан после победы над Изенгардом оказался в большей безопасности, чем юга Гондора, которым, помимо Мордора, угрожал также Умбар). Итого, положим, что из провинций Денетор ждал 15 000 войск.

Отдельной статьёй можно рассматривать армию Пеларгира. Древний город-порт, обладающий ключевым экономическим и военным значением, – морские ворота Гондора – по размерам и мощи, скорее всего, сопоставим с Минас Тиритом, и, таким образом, его армия так же сопоставима с армиями столицы и провинций. 7000 пришедших за Арагорном – это, надо полагать, не вся армия, а доля – от 1/2 до 2/3 – аналогичная двум третям роханского войска (ведь Арагорн, как и Теоден, и Денетор, умный человек, и он не мог не оставить часть войска для обороны Пеларгира). Значит, положим, из Пеларгира Денетор ждал именно эти 7000.

Наконец, Рохан перед войной с Изенгардом, судя по данным текста «Кирион и Эорл» о понятии «эоред», располагал 12 тысячами копий. По окончании этой войны осталось 10 000. Благодаря палантиру Денетор не мог не знать о потерях, понесенных Роханом; однако понимал ли он, что Теоден, несмотря на победу над Изенгардом, оставит часть войск для обороны страны, или же надеялся, что Рохан на волне эйфории от победы примчится в полном составе? Иными словами, ждал ли он все 10 000, или сознавал, что реальная цифра будет ощутимо меньше? Допустим, он ждал все-таки больше, чем 6000. положим, 7 или 8 – так же, как из

Пеларгира.

Итого, в общей сложности Денетор ждал: $15\ 000 + 7000 + 8000 = 30\ 000$ (!) человек подмоги. И, кроме людей, еще 8000 лошадей. Минас Тирит был готов их принять и разместить: посыльный Денетора заверял в этом Теодена.

Теперь обратимся к реальному историческому опыту, чтоб понять, какого размера должен быть город, чтобы без заморочек расквартировать такое количество единиц живой силы.

Как выяснилось, утверждённых законом норм расквартирования войск на постой в жилых домах гражданского населения не было, из-за чего поиск конкретных примеров затруднен. Однако примечательным оказался опыт расквартировки пленных в городе Омске во времена Первой мировой войны: «Крайне ограниченный жилищный фонд Сибири не мог вместить всех прибывших. Даже крупный сибирский город Омск, имевший около 100 000 жителей, не в состоянии был разместить 14 тыс. пленных, а что говорить о маленьком Сретенске, население которого состояло из 7 тыс. жителей, а должен он был вместить еще 11 тыс. пленных» (Н.В. Греков. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914-1917)).

Конечно, в Минас Тирите ситуация немного иная: во-первых, в городе в связи с сокращением населения имеется большое количество пустующей застройки, а во-вторых, была проведена эвакуация гражданского населения, так что гражданская застройка, надо полагать, стояла пустая. Это объясняет, почему у Денетора не особенно болит голова о вопросах постоя.

Тем не менее, далеко не всякий человек согласится, чтобы в его отсутствие в его доме кто-то жил. И вряд ли войска планировалось размещать в нижних ярусах города, так как те наиболее уязвимы. Значит, под размещение войск шла далеко не вся подряд застройка Минас Тирита.

Поэтому если нормы размещения хотя бы приблизительно сопоставимы с таковыми для Омска (расквартировать 14 тысяч человек – сверхзадача для 100-тысячного города) получаем город, пригодный для проживания 180-220 тысяч постоянного населения.

Приложение 1

Выдержки из хроники Гондора и «Анналов Королей и Правителей»

3320 ВЭ Основание Королевств в Изгнании:

In Minas Ithil was the house of Isildur, and in Minas Anor the house of Anárion, but they shared the realm between them and their thrones were set side by side in the Great Hall of Osgiliath. These were the chief dwellings of the Númenóreans in Gondor (*Silmarillion*, “of the Rings of Power...”).

- 3429 Саурон нападает на Гондор, захватывает Минас Итиль, сжигает Белое Дерево. Исилдур бежит на Север к Элендилу. Анарион обороняет Минас Анор и Оспилят.
- 3434 Дагорладская битва, начало осады Барад Дура.
- 3441 Саурон побежден Элендилом и Гил-Галадом. Исилдур присваивает Кольцо.
- 2 ТЭ Исилдур сажает побег Белого Дерева в Минас Аноре.
- 420 Король Остохер перестраивает Минас Анор. Крепость превращается в летнюю резиденцию королей.
- 490 Первое нашествие вастаков.
- 913 Первый «морской король» - Тараннон Фаластур. Морские короли присоединили взморье вплоть до Харада (1050).
- 1015 Коронация Хьярмендакиля.
- 1050 Хьярмендакиль покоряет Харад. Гондор достигает вершины своего могущества. Границы государства – юг Сумеречья, Келебрант, Грейфлуд, море Рун, река Харнен, полуостров Умбар. Люди Долин Андуина признали владычество Гондора.
- 1149 Коронация Атанатара Алькарина. Начало стагнации.
- Между 1304–1366 Ромендакиль II построил Аргонат.
- 1432 Смерть Короля Валакара. Начало гражданской войны в Гондоре.
- 1437 Осада, разорение и сожжение Оспилята. Эльдакар бежит в Рованион.
Castamir <...> was a cruel man, as he had first shown in the taking of Osgiliath. He caused Ormendil son of Eldacar, who was captured, to be put to death; and the slaughter and destruction done in the city at his bidding far exceeded the needs of war. This was remembered in Minas Anor and in Ithilien (*LotR, Appendix A, Gondor and the Heirs of Anarion*).
- 1447 Возвращение Эльдакара. Битва на Переправе Эрui (много лучших кровей Гондора убито). Осада Пелагира. Начало сокращения территорий государства (откололся Умбар): “There was a great battle in Lebennin at the Crossings of Erui, in which much of the best blood in Gondor was shed”.
- 1540 Король Альдамир убит в войне с харадом и корсарам Умбара.
- 1551 Хьярмендакиль II разбивает харадримов.
- 1634 Корсары берут Пелагир и убивают Короля Минардила.
- 1636 Великая Чума опустошает Гондор. Смерть Короля Телемнара и его детей. Гибель Белого Дерева в Минас Аноре: “It is true that the enemies of Gondor also suffered, or they might have overwhelmed it in its weakness”.
- 1640 Король Тарондор переносит столицу в Минас Анор, выращивает побег Белого Дерева. Начало вымирания Оспилята. Мордор оставлен без охраны: “Then for weariness and fewness of men the watch on the borders of Mordor ceased and the fortresses that guarded the passes were unmanned”.
- 1899 Король Калиметар разбивает повозочников (Wainriders) на Дагорладе.
- 1900 Король Калиметар строит Белую Башню в Минас Аноре.
- 1944 Гибель Короля Ондохера и его сыновей в битве с повозочниками (Wainriders). Корону получает генерал-победитель.
- 2002 Сдача Минас Итиля.
- 2050 Гибель Эарнура, последнего короля Гондора. Конец Гондорской династии.
- 2698 Эктелион I перестраивает Белую Башню в Минас Тирите.

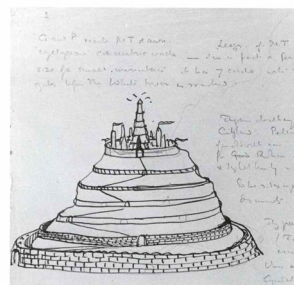
Приложение 2. Рисунки

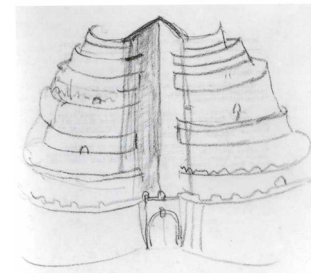
Рис.1. Минас Тирит Питера Джексона

Рис.2. Минас Тирит Теда Насмита

a)

167
Untitled (Minas Tirith)
Pencil, black ink

б)

168
Untitled (Minas Tirith)
Pencil

в)

Рис.3. Минас Тирит в зарисовках Дж.Р.Р. Толкина.
На рисунке «в» Город изображен не белым.

Рис.4. Минас Тирит Роджера Гарланда

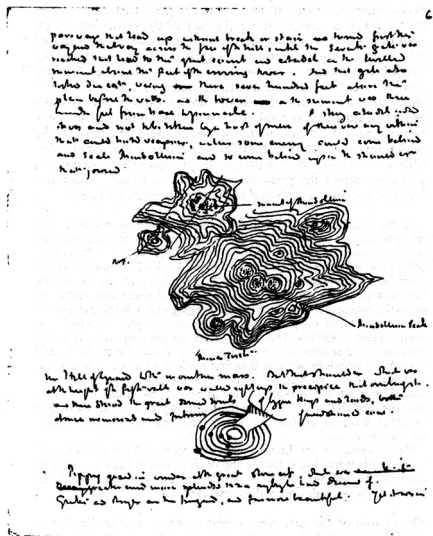

Рис.5. Миндоллуин в зарисовках Дж.Р.Р. Толкина

Minas Tirith and Mindolluin

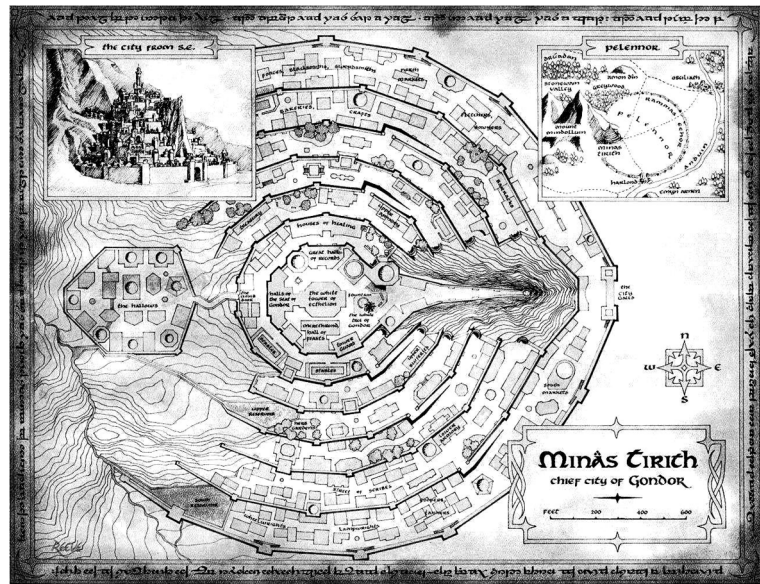

Рис.6. План-схема питер-джексоновского Минас Тирита. Если верить масштабной линейке, поперечник города составляет около 700 метров; однако, учитывая, что высота холма известна из текста точно, то можно произвести расчет диаметра подошвы, замерив соотношение высоты и ширины холма на скриншоте, а не карте. Таким методом получился диаметр не более 400 метров.

Рис.7. Город-крепость Мон-Сен-Мишель во Франции. 3 кольца стен. При высоте холма ~ 100 метров и поперечнике ~ 900 метров, население города в историческом максимуме не превышало 1200 человек.

Рис.8. Москва, XVII век. Население ~200000 человек. 4 кольца стен. Диаметр ~5 км.

Рис.9. Исторический центр Санкт-Петербурга. Население ~200000 человек. 8 полуколец (Адмиралтейский проспект, Малая Морская, Мойка, канал Грибоедова, Садовая, Фонтанка, Литейный/Владимирский/Загородный проспект, Лиговский проспект). Малый диаметр 3,5км, большой диаметр ~8 км.

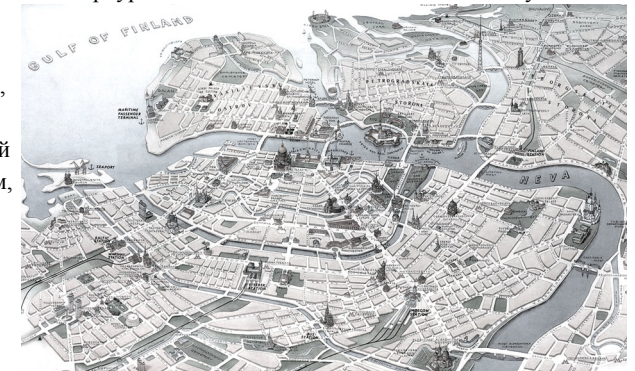
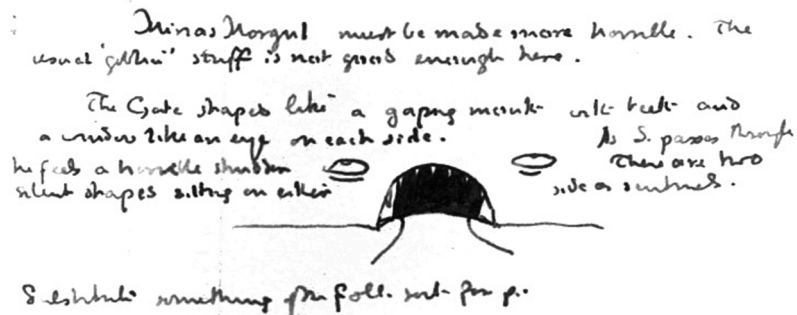
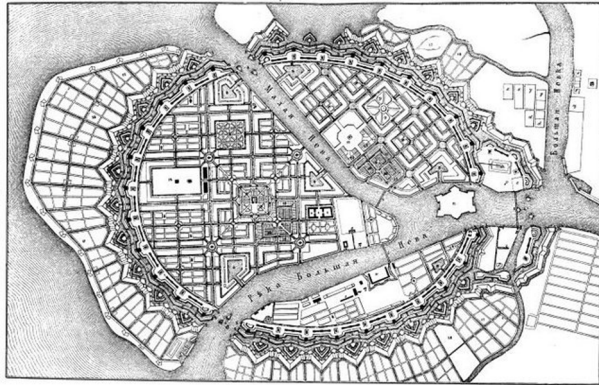

Рис. 10. Исторический центр Кронштадта. Население 200 человек + армия. 1 кольцо стен. Диаметр 2 км.

Рис. 11. Несостоявшийся проект «Петербург Леблона». Диаметр 5 км. Внешняя городская стена с бастионами.

170 Untitled (Minas Morgul Gate)
Black ink

Рис. 12. Если мы захотим принять всерьез профессорские зарисовки Минас Тирита, нам придется принять всерьез и этот эскиз ворот Моргула :)

Мир, созданный Толкином, огромен, и настолько же велик мир его пословиц и фразеологизмов. В романе-эпосе «Властелин Колец» автор поднимает проблемы добра и зла, дружбы и предательства, доблести и смерти и многие другие – и, несомненно, все рассматриваемые в произведении темы нашли отражение в образных единицах, которыми богата трилогия. Также не стоит забывать, что пословицы и фразеологизмы, являясь собранием народной мудрости, дают исчерпывающую характеристику какому-либо явлению или персонажу. Они придают достоверность и колоритность речи героев, а также показывают, насколько они глубоки и сметливы. Средиземье населяет множество народов и существ, и автор вложил пословицы и фразеологизмы в речь всех персонажей Средиземья. Именно поэтому нам было интересно выяснять, какие пословицы и фразеологизмы были придуманы самим Толкином, какие он создавал по моделям уже существующих в английском языке пословиц и фразеологизмов, и какие традиционные английские единицы он употребил. Для выполнения этой задачи в данной статье мы классифицируем пословицы и фразеологизмы из «Властелина Колец», по следующим группам:

1. Традиционные английские пословицы и фразеологизмы.
2. Трансформированные английские пословицы и фразеологизмы.
3. Авторские неологизмы:
 - с прямой отсылкой к пословичному фонду жителей Средиземья;
 - пословицы и фразеологизмы, которые можно идентифицировать по характерным признакам;
 - авторские неологизмы, построенные по модели известных пословиц и фразеологизмов.

Однако для того, чтобы приступить непосредственно к классификации, сначала следует остановиться на вопросе, каким путем мы выбирали из текста анализируемые единицы – ведь довольно большая часть материала представляла собой авторские выражения, которые невозможно проверить ни по одному словарю.

Основываясь на трудах отечественных и зарубежных лингвистов, мы определили границы понятия «пословица» и «фразеологизм» в данном исследовании, тем самым обозначив ключевые признаки пословиц и фразеологизмов, на основании которых мы выбирали исследуемые единицы из текста «Властелина Колец».

В настоящем исследовании под *пословицей* мы понимаем синтаксически, логически и грамматически законченный краткий текст с дидактическим содержанием, обладающий устойчивостью, воспроизводимостью, также афористически сжатый, существующий в ритмически организованной форме и обозначающий некоторую ситуацию.

Под *фразеологизмом* мы понимаем лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению, наделенное образностью и экспрессивностью словосочетание, воспроизводимое в речи в виде готовой единицы.

У пословицы и фразеологизма есть общие признаки – это воспроизводимость, устойчивость, образность, экспрессивность. Что касается различий пословицы и фразеологизма, то следует помнить, что пословица всегда заключает в себе завершённую мысль, непременно поучающего, наставительного характера, является суждением и семантически эквивалентна предложению, в то время как фразеологизм представляет собой словосочетание, является понятием и семантически эквивалентен слову. Подтверждение и дополнение к данному утверждению можно найти у Е.И. Селиверстовой: «Между пословицей и фразеологизмом немало различного: пословицу отличает законченность и дидактичность, иная синтаксическая структура, иные принципы речевого выбора и условия контекстуального включения и функционирования в тексте, особая прагматическая направленность, эвфоническое оформление, определенные парадигматические и синтагматические отношения между компонентами и так далее» [Селиверстова 2009: 21].

Таким образом, при выборке исследуемых единиц из текста мы ориентировались на неотъемлемые признаки пословиц и фразеологизмов. Также следует отметить, что нередко в текст трилогии пословицы и фразеологизмы вводились сигнальными фразами наподобие «as the saying goes» (как говорится), «it is said» (говорят), «there is a saying» (есть такая поговорка) и так далее.

Опираясь на всё вышесказанное, используя метод сплошной выборки, мы обнаружили в тексте трилогии 106 пословиц и 527 фразеологизмов, анализ которых предоставлен в данной статье.

Традиционные английские пословицы

Мы обнаружили 16 случаев употребления Толкином существующих в английском языке пословиц в чистом виде. Например:

1) *We don't often get a party out of the Shire nowadays, and I should be sorry not to make you welcome. But there is such a crowd already in the house tonight as there hasn't been for long enough. It never rains but it pours, we say in Bree* (Сейчас к нам мало кто заходит из Шира, и мне было бы жаль не приютить вас. Но в доме сегодня уже такая толпа народу, какой давно не бывало. Как говорят у нас в Бри, **дождь не идет, а льет ливнем**) [Tolkien 2000a: 115].

– *It never rains but it pours* (Дождь не идет, а льет ливнем; Пришла беда – отворяй ворота) [NTC 1993: 124].

2) *That was Gandalf, if you know who I mean. A wizard they say he is, but he's a good friend of mine, whether or no. But now I don't know what he'll have to say to me, if I see him again: turn all my ale sour or me into a block of wood, I shouldn't wonder. He's a bit hasty. Still what's done can't*

be undone (Это был Гэндальф, если ты знаешь, кого я имею в виду. Говорят, он волшебник, но он мой добрый приятель, как бы то ни было. Теперь я и не знаю, что он мне скажет, если я его снова увижу: не удивлюсь, если он заставит скиснуть все мое пиво, а меня превратит в деревяшку. Он чуточку вспыльчив. **Но уж что сделано, то сделано**) [Tolkien 2000a: 127].

– *What's done cannot be undone* (Что сделано, то сделано) [NTC 1993: 229].

3) *He knew that the Ring was not lost for ever, but wished us to think so; for he began to lust for it for himself. Yet oft in lies truth is hidden: in the Sea it would be safe* (Он знал, что Кольцо потеряно не навсегда, но хотел, чтобы мы так думали, ибо начал желать его для себя. И все же **часто во лжи кроется правда**: Море было бы надежным местом для Кольца) [Tolkien 2000a: 205].

– *Truth is hidden within the lies* (Правда прячется внутри лжи) [Кусковская 1987: 116].

Мы сомневались, стоит ли причислить эту пословицу к традиционным или отнести её к трансформациям, поскольку Толкин использовал прием инверсии для усиления образности. На наш взгляд, однако, изменение порядка слов в стилистических целях в данном случае скорее придает пословице архаическое звучание, нежели трансформирует её.

4) *He breathed with relief when he was safely across. "Live and learn! As my gaffer used to say. Though he was thinking of gardening, not of roosting like a bird, nor of trying to walk like a spider. Not even my uncle Andy ever did a trick like that* (Он вздохнул с облегчением, благополучно ступив на другой берег. «Век живи – век учись! Как говаривал мой Старикан. Хотя он имел в виду, как ухаживать за садом, а не как ютиться на ветке, будто птичка, или пытаться ходить по веревкам, как паук по паутине. Даже мой дядюшка Энди таких штук не выкидывал») [Tolkien 2000a: 267].

– *Live and learn* (Век живи, век учись) [Митина 2002: 83].

5) *"Maybe," said Sam; "but where there's life there's hope, as my Gaffer used to say; and need of vittles, as he mostways used to add. You have a bite, Mr. Frodo, and then a bit of sleep"* («Может быть, – сказал Сэм, – но **пока есть жизнь, есть и надежда**, как говаривал мой Старикан – **и нужда в провизии**, как он частенько прибавлял. Перекусить вам надо бы, мистер Фродо, а потом поспать чуток») [Tolkien 2000b: 217].

Пословица, основа которой традиционна (*Where there is life, there is hope* (пока есть жизнь, есть надежда) [NTC 1993: 232]), но она дополнена авторским распространением «*and need of vittles*».

Мы обнаружили 441 случай употребления Толкином существующих в английском языке фразеологизмов в чистом виде. Например:

1) *Tongues began to wag in Hobbiton and Bywater; and rumour of the coming event travelled all over the Shire* (По Хоббитону и Приречью начали **ходить толки**, и слухи о предстоящем празднестве разнеслись по всему Ширу) [Tolkien 2000a: 14].

– *set/start tongues wagging* (дать повод для сплетен, толков) [Cambridge 2002: 398]

2) *I do. I made up my mind months ago, and I haven't changed it* (Да. Я **принял решение** тому уже несколько месяцев, и не переменял его) [Tolkien 2000a: 14].

– *make up your mind* (принять решение) [Cambridge 2002: 535]

3) *There was almost silence, and one or two of the Tooks pricked up their ears* (Почти все умолкли, а один-два юных Тука **навострили уши**) [Tolkien 2000a: 14].

– *prick up one's ears* (навостричь уши) [NTC 2000: 321]

4) Frodo had retired for a while and left his friend Merry Brandybuck **to keep an eye on things** (Фродо на время удалился, оставив своего друга Мерри Брендибака **приглядывать** за всем) [Tolkien 2000a: 26].

– *keep an eye on someone or something* (приглядывать за чем-л. или кем-л.) [NTC 2000: 178].

5) Ever since this spring we **have kept our eyes open**, and done a good deal of planning on our own account (Еще с весны мы **были начеку** и сами успели неплохо подготовиться) [Tolkien 2000a: 77].

– *keep one's eyes open* (не дремать, быть начеку) [NTC 2000: 228].

6) Sam looked at him unhappily. “It all depends on what you want,” put in Merry. “You can trust us to stick to you **through thick and thin – to the bitter end** (Сэм посмотрел на него уныло. «Все зависит от того, чего ты хочешь, – вмешался Мерри. – Ты можешь нам довериться, что мы тебя не покинем, **несмотря ни на что, до самого конца**») [Tolkien 2000a: 79].

– *through thick and thin* (несмотря ни на что, до конца) [NTC 2000: 406],

– *to the bitter end* (до конца, до предела) [NTC 2000: 412]

7) Sam, who had been watching his master with great concern, shook his head and muttered: “**Plain as a pikestaff** it is, but it's no good Sam Gamgee putting in his spoke just now.” (Сэм, до этого смотревший на своего хозяина с большим волнением, покачал головой и пробормотал: «Все тут **ясно как дважды два**, но не дело, чтоб Сэм Гэмджи лез со своими услугами прямо сейчас») [Tolkien 2000a: 304].

– *(as) plain as a pikestaff* (ясно как дважды два) [NTC 2000: 19]

Трансформированные английские пословицы и фразеологизмы

В эту группу вошло 8 пословиц, которые были созданы Толкином с помощью различных способов трансформации известных английских пословиц. В качестве примера можно привести:

1) *Goldberry spoke to them and recalled their eyes and thoughts. “Speed now, fair guests!” she said. “And hold to your purpose! North with the wind in the left eye and a blessing on your footsteps! **Make haste while the Sun shines!**”* (Златеника заговорила с ними и пробудила их взор и ум: «Спешите же, милые гости! – сказала она. – И держитесь вашей цели! С северным ветром по левую руку, и да будут благословенны ваши шаги! Спешите, **пока светит солнце!**») [Tolkien 2000a: 102].

Данная пословица возникла путем контаминации (т.е. объединения) двух известных английских пословиц – *Make haste slowly* (*Спеши медленно*) [NTC 1993: 145] и *Make hay while the sun shines* (заготавливай сено, пока светит солнце; куй железо, пока горячо) [NTC 1993: 145].

2) *What his right name is I've never heard: but he's known round here as Strider. Goes about at a great pace on his long shanks; though he don't tell nobody what cause he has to hurry. But **there's no accounting for East and West**, as we say in Bree, meaning the Rangers and the*

Shire-folk, begging your pardon. Funny you should ask about him (Как его зовут по-настоящему, я никогда не слышал, но его все в округе знают как Бродягу Шире-Шаг. Носится тут на своих длинных ногах, хотя никому не говорит, что у него за спешка. Но **на западе да на востоке товарищей нет**, как говорят у нас в Бри насчет Бродяг да, прошу прощения, ширских. Забавно, что это вы про него спрашиваете) [Tolkien 2000a: 117].

В данном случае Толкин трансформировал пословицу путем замены компонента, опираясь на традиционную английскую пословицу *There is no accounting for taste(s)* (На вкус и цвет товарищей нет) [NTC 1993: 213]. Возможно, при создании трансформированной пословицы также поучаствовала пословица *East or West, home is best* (Запад или восток – а дома лучше всего; В гостях хорошо, а дома лучше) [Кунин 1984: 392].

3) *Make sure that it is the real Strider. There are many strange men on the roads. His true name is Aragorn:*

All that is gold does not glitter,

Not all those who wander are lost;

The old that is strong does not wither,

Deep roots are not reached by the frost [Tolkien 2000a: 129].

(Убедись, что это настоящий Бродяга Шире-Шаг. На дорогах много чужаков. Его настоящее имя – Арагорн.

Все то, что золото, не блестит, Не все, кто блуждает, заблудились. Древность, что сильна, не увядает, До глубоких корней морозу не добраться)

Здесь был применен еще один способ трансформации – инверсия, в исходном варианте *All that glitters is not gold* (Не все то золото, что блестит) [101 American English Proverbs 1992: 20]. Следует объяснить, почему данный случай инверсии мы решили отнести к трансформациям, в отличие от упомянутого в первой группе случая инверсии. В пословице *oft in lies truth is hidden* (часто во лжи кроется правда), которую использовал Толкин, относительно оригинала (*Truth is hidden within the lies*) был изменен только порядок слов, подлежащее и сказуемые остались прежними, в то время как при использовании пословицы *All that is gold does not glitter* Толкин сделал подлежащим именно «золото», и поменял этим акценты. Смысл традиционного варианта «не все то золото, что блестит» – скорее в том, чтобы не перепутать фальшивку с действительной ценностью, в то время как смысл трансформации («все то, что золото, не блестит»; «в истинном золоте блеска нет») (*пер. И. Гриншпуна*) уже несколько иной (то, что истинно ценно, не демонстрирует свою ценность напоказ). Подобная смена акцентов показалась нам оправданной причиной, чтобы отнести пословицу именно к трансформациям.

5) *We are tree-herds, we old Ents. Few enough of us are left now. **Sheep get like shepherd, and shepherds like sheep**, it is said; but slowly, and neither have long in the world. It is quicker and closer with trees and Ents, and they walk down the ages together* (Мы, старые энты – пастыри деревьев. Сейчас нас осталось слишком мало. **Овцы становятся похожи на пастырей, а пастыри – на овец**, как говорится; но постепенно, и ни те, ни другие в мире не остаются надолго. Но энты и деревья ближе друг к другу, и уподобляются друг другу быстрее, и вместе идут сквозь время)[Tolkien 2000b: 44].

Здесь была трансформирована известная английская поговорка *Like shepherd, like sheep* (каков пастырь, таково и стадо) [Кусковская 1987: 145], путем экспликации, а именно расширения её компонентного состава.

В эту группу также вошло 32 фразеологизма, которые были созданы Толкином за счет различных способов трансформации известных английских фразеологизмов. В качестве примера можно привести:

1) *They were still climbing gently, but they now went much quicker, and with better heart* (Они все еще взбирались по склону потихоньку, но теперь двигались куда быстрее и с более легким сердцем) [Tolkien 2000a: 84]. Толкин трансформировал традиционный английский фразеологизм *with a heavy heart* (с тяжелым сердцем) [NTC 2000: 436], придав ему противоположное значение.

2) *The change in the wizard's voice was astounding. Suddenly it became menacing, powerful, harsh as stone* (Голос волшебника поразительно изменился. Внезапно он стал угрожающим, властным, жестким, как камень) [Tolkien 2000a:196]. Здесь традиционное для данного фразеологизма прилагательное «hard» (твердый) (*hard as a rock, hard as stone* [NTC 2000: 17]) заменено более экспрессивным эпитетом «harsh» (грубый, шершавый, резкий, жесткий, суровый), в который, помимо твердости, заложено значение чего-то неприятного или зловещего.

3) *"My heart's right down in my toes, Mr. Pippin," said Sam. "But we aren't etten yet, and there are some stout folk here with us"* («У меня сердце в пятки (букв. – в пальцы ног) ушло, мистер Пиппин, – сказал Сэм. – Но нас еще не сожрали, и с нами есть еще храбрецы») [Tolkien 2000a: 230]. Традиционно сердце англичан от страха отправляется в ботинки, а не в пальцы ног (toes), о чем свидетельствует фразеологизм *have one's heart in one's boot* (или *shoes*) [Кунин 1984: 374], к которому также приводится русский аналог «душа в пятки ушла» [там же], но так как хоббиты обычно не носят обувь, их сердце не может отправиться от страха ни в «туфли», ни в «ботинки».

4) *Then suddenly there was a dreadful cry and a great shock, and a deep echoing boom. Forcing himself on against a gust of fear and horror that shook him almost to his knees, Pippin turned a corner* (Тут внезапно раздался жуткий вопль и сильный удар, и глухой грохот отозвался эхом. Собравшись с силами, чтоб одолеть приступ страха и ужаса, сотрясший его почти до самых колен, Пиппин завернул за угол...) [Tolkien 2000c: 61]. Несмотря на то, что на первый взгляд фраза «до дрожи в коленях» кажется вполне традиционной, для английского языка она таковой не является. На наш взгляд, автор трансформировал традиционный фразеологизм *weak at the knees* (слаб в коленках) [Cambridge 2002: 418], со значением «чувствовать, что вот-вот упадешь, потрясенный какими-то сильными эмоциями» [там же].

Авторские неологизмы

На наш взгляд, самая интересная часть материала – поговорки и фразеологизмы, созданные самим Толкином. Стоит отметить, что это довольно большая группа: в ней насчитывается 82 поговорки и 54 фразеологизма. Более того, на данный момент некоторые из поговорок уже пополнили поговорочный корпус современного английского языка и употребляются не только любителями творчества Толкина.

Неологизмы с прямой отсылкой к пословичному фонду жителей Средиземья

В эту группу мы включили поговорки и фразеологизмы, которые вводились Толкином в текст с упоминанием о том, что данная поговорка или фразеологизм входят в пословично-поговорочный фонд жителей Средиземья. На это могут указывать такие вводные фразы, как, например, *he used to say* (он обычно говорил), *it is said* (говорят) и так далее. Примеры из поговорок:

1) *He used often to say there was only one Road; that it was like a great river: its springs were at every doorstep, and every path was its tributary. "It's a dangerous business, Frodo, going out of your door," he used to say. "You step into the Road, and if you don't keep your feet, there is no knowing where you might be swept off to"* (Он часто говорил, что есть только одна Дорога; что она подобна большой реке; ее истоки – у каждого порога, и каждая тропа вливается в нее, как приток. «Опасное это дело, Фродо – выходить за дверь, – любил он говорить. – Ступишь на Дорогу, и если не устоишь на месте, так никто и не знает, куда тебя может занести») [Tolkien 2000a: 52].

2) *Gildor was silent for a moment. "I do not like this news," he said at last. "That Gandalf should be late, does not bode well. But it is said: Do not meddle in the affairs of Wizards, for they are subtle and quick to anger. The choice is yours: to go or wait* (Гилдор помолчал одно мгновение. «Мне не нравятся эти новости, – сказал он, наконец. – То, что Гэндальф задерживается, не сулит ничего хорошего. Однако говорят: «Не вмешивайся в дела волшебников, ибо они пронизательны и скоры на гнев») [Tolkien 2000a: 61].

3) *Sam sat down heavily with a red face. Faramir turned to Frodo again: "You asked how do I know that the son of Denethor is dead. Tidings of death have many wings. Night oft brings news to near kindred," is said. Boromir was my brother"* (Сэм, покраснев, уселся на место. Фарамир снова повернулся к Фродо: «Ты спрашивал, откуда я знаю, что сын Денетора мертв. У вестей о смерти много крыльев. Часто ночь приносит вести близким родичам, как говорят. Боромир был моим братом») [Tolkien 2000b: 191].

Примеры из фразеологизмов:

1) *After the feast (more or less) came the Speech. Most of the company were, however, now in a tolerant mood, at that delightful stage which they called 'filling up the corners'* (Сразу (более или менее) после праздника последовала Речь. Однако большинство присутствующих были настроены благодушно – на той приятной стадии, которую они называли «наедаться под завязку» (букв. «заполнять уголки») [Tolkien 2000a: 18]).

2) *But that was short of the mark, for twenty guests were invited and there were several meals at which it snowed food and rained drink, as hobbits say* (Но до прежнего размаха это не достигало, так как было приглашено только двадцать гостей, а перемен блюд было несколько – «едой припорошило, питьем поморосило», как говорят хоббиты) [Tolkien 2000a: 29].

Пословицы и фразеологизмы, которые можно идентифицировать по характерным признакам

Порой в тексте не было указания на то, что та или иная фраза входит в пословично-поговорочный фонд жителей Средиземья. В таких случаях мы выделяли пословицы и фразеологизмы, ориентируясь на их характерные признаки (для пословиц – синтаксическая, логическая и грамматическая законченность, краткость, афористичность и, непременно, дидактическое содержание; для фразеологизмов – семантическая эквивалентность слову, лексическая неделимость, устойчивость в своем составе и структуре, образность, экспрессивность, воспроизводимость в речи в виде готовой единицы).

Примерами из пословиц являются:

1) *Many that live deserve death. And some that die deserve life. Can you give it to them? Then do not be too eager to deal out death in judgment. For even the very wise cannot see all ends* (Многие из живущих заслуживают смерти. А некоторые из тех, что умирают, заслуживают жизни. Можешь ты дать ее им? Тогда не слишком стремись приговаривать к смерти. Ибо даже самый мудрый не может предвидеть все развязки) [Tolkien 2000a: 42].

2) *Elves seldom give unguarded advice, for advice is a dangerous gift, even from the wise to the wise, and all courses may run ill. But what would you? You have not told me all concerning yourself; and how then shall I choose better than you? But if you demand advice, I will for friendship's sake give it* (Эльфы редко дают опрометчивые советы, ибо совет – опасный дар, даже совет мудрого мудрому, и любой план может пойти не так. Но чего ты хочешь? Ты не рассказал мне всего о себе; и как я могу выбирать лучше, чем ты? Но если ты попросишь совета, я дам его ради нашей дружбы) [Tolkien 2000a: 61].

3) *“And let us have food and drink!” cried Tom. “Long tales are thirsty. And long listening’s hungry work, morning, noon, and evening!” With that he jumped out of his chair, and with a bound took a candle from the chimney-shelf and lit it in the flame that Goldberry held; then he danced about the table* («А теперь давайте есть и пить! – воскликнул Том. – От долгих рассказов пробуждается жажда, а от долгого слушания – голод, утром, днем и вечером!» С этими словами он соскочил со стула и, подпрыгнув, взял свечу с каминной полки и зажег ее от огня, что держала Златеника; затем он заплясал у стола.) [Tolkien 2000a: 99].

4) *The Men of Gondor are valiant, and they will never submit; but they may be beaten down.*

Valour needs first strength, and then a weapon. Let the Ring be your weapon, if it has such power as you say. Take it and go forth to victory! (Люди Гондора доблестны, и они никогда не покорятся, но их можно сразить. Доблести нужна сначала сила, а потом – оружие. Пусть твоим оружием будет Кольцо, если в нем такая сила, как ты говоришь. Возьми его – и вперед, к победе!) [Tolkien 2000a: 206].

5) *If you had really started this affair, you might be expected to finish it. But you know well enough now that starting is too great a claim for any, and that only a small part is played in great deeds by any hero. You need not bow!* (Если ты действительно начал это дело, можно было бы ожидать, что ты его и закончишь. Но ты неплохо знаешь, что начало – слишком серьезная заявка для любого, и что в великих делах любому герою принадлежит лишь маленькая роль. Не кланяйся, не надо!) [Tolkien 2000a: 208].

6) *Faramir smiled. “A pert servant, Master Samwise. But nay: the praise of the praiseworthy is above all rewards. Yet there was naught in this to praise. I had no lure or desire to do other than I have done.”* (Фарамир улыбнулся. «Ты бойкий слуга, господин Сэмуайз. Но нет, похвала от того, кто сам достоин похвалы, превышает всех наград. И все же хвалить здесь не за что. Я не испытываю ни соблазна, ни желания поступить иначе, чем я поступил»). [Tolkien 2000b: 203].

Примерами из фразеологизмов могут послужить:

1) *«Well, well, bless my beard!» said Gandalf. “Sam Gamgee is it? Now what may you be doing?”* («Ну, ну, клянусь моей бородой! – сказал Гэндальф. – Сэм Гэмджи? И что же ты тут изволишь делать?») [Tolkien 2000a: 45].

2) *“There’s earth under his old feet, and clay on his fingers; wisdom in his bones, and both his eyes are open”* (Под его (Мэггота) старыми ногами – земля, на его пальцах – глина; мудрость – в его костях, и смотрит он в оба) [Tolkien 2000a: 100].

3) *But their master’s been and drowned his wits, and the Sun’ll be rising soon!* (Но их (коней) хозяин потопил (в выпивке) свой рассудок, и скоро взойдет солнце!) [Tolkien 2000a: 120].

4) *Glorfindel was tall and straight; his hair was of shining gold, his face fair and young and fearless and full of joy; his eyes were bright and keen, and his voice like music; on his brow sat wisdom, and in his hand was strength* (Глорфиндель был высок и держался прямо; его волосы были словно сияющее золото, его лицо – юно и прекрасно, бесстрашно и исполнено радости; его глаза были ясны и зорки, а голос – как музыка; на челе его покоилась мудрость, а в руке его была сила) [Tolkien 2000a: 172].

5) *But I hope I do get back some day. If what I’ve seen turns out true, somebody’s going to catch it hot!* (Но я надеюсь, что все же однажды вернусь. Если то, что я увидел, окажется правдой, кое-кто за это получит по первое число!) [Tolkien 2000a: 280].

Авторские неологизмы, построенные по модели известных пословиц и фразеологизмов

Это самая малочисленная группа. В неё входит всего 3 пословицы и 2 фразеологизма. Это авторские пословицы и фразеологизмы, которые были построены по схеме уже существующих пословиц или высказываний.

Примеры из пословиц:

1) *“Short cuts make long delays,” argued Pippin. “The country is rough round here, and there are bogs and all kinds of difficulties down in the Marish – I know the land in these parts. And if you are worrying about Black Riders, I can’t see that it is any worse meeting them on a road than*

in a wood or a field.” («**Чем больше срезаешь, тем дальше идешь**, – возразил Пиппин. – Местность здесь неровная, а там, в Марях, топи и все прочие неудобства; я эти края знаю. А если вы беспокоитесь насчет Черных Всадников, то я не пойму, чем лучше повстречать их в лесу или в поле, а не на дороге.») [Tolkien 2000a: 64]. Пословица была построена по модели таких пословиц, как *Short reckonings make long friends* (Чем короче долг, тем дольше дружба) [NTC 1993: 183] и *The longest way round is the shortest way home* (Самый долгий путь в объезд – самый короткий путь домой) [NTC 1993: 204].

2) *‘It’s the job that’s never started as takes longest to finish, as my old gaffer used to say. And I don’t reckon that these folk can do much more to help us, magic or no. It’s when we leave this land that we shall miss Gandalf worse, I’m thinking.’* (**Неначатая работа дольше всего не кончается**, как говаривал мой Старикан. А я не рассчитываю, что эта публика может помочь нам больше, волшебством или не волшебством. Я думаю, что нам будет еще сильнее не хватать Гэндальфа, когда мы уйдем из этой земли) [Tolkien 2000a: 278]. В основу легли такие пословицы, как *It’s the first step that costs* (Считается первый шаг – т.е., любое дело надо начать, а не просто намереваться его сделать), *It’s the last straw that breaks the camel’s back* (Последняя соломинка ломает спину верблюда) и *It’s the unexpected that always happens* (Всегда случается неожиданное) [Модестов 2000: 154].

3) *“What of the dawn?” they jeered. “We are the Uruk-hai: we do not stop the fight for night or day, for fair weather or for storm. We come to kill, by sun or moon. What of the dawn?” – “None knows what the new day shall bring him,” said Aragorn. “Get you gone, ere it turn to your evil.”* («Что за дело нам до зари? – закричали они глумливо. – Мы Урук-хаи! Мы не перестаем биться ни ночью, ни днем, ни в ясную погоду, ни в бурю. Мы пришли убивать, при солнце ли или при луне. Что за дело нам до зари?») «**Никто не знает, что принесет ему новый день**, – ответил Арагорн. – Убирайтесь, пока он не обратился вам во зло!») [Tolkien 2000b: 99]. Возможно, в основу этой пословицы легла цитата из Библии: «*No one knows the day or hour when these things will happen, not even the angels in heaven or the Son himself. Only the Father knows*» (О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один) [Matthew 24:36: URL: <http://biblehub.com/matthew/24-36.htm>].

Примеры из фразеологизмов:

1) *Curse him, root and branch! Many of those trees were my friends, creatures I had known from nut and acorn; many had voices of their own that are lost forever now* [Tolkien 2000b: 48]. (Будь он проклят, корни и ветви! Многие из этих деревьев были моими друзьями, я знал их **с ореха или желудя**; у многих были свои голоса, а ныне они навеки пропали). В буквальном смысле эта фраза означает знать с желудя, с орешка, что для дерева, по аналогии с человеком, означает знать от рождения, с младенчества, что, получается, аналогично русскому фразеологизму «знать с пеленок». В основу данного авторского фразеологизма, на наш взгляд, лег английский фразеологизм *not know someone from Adam* (совершенно не знать кого-то, букв. – не отличать кого-л. от Адама) [NTC 2000: 280].

2) «**Nothing or a double helping is your way!**” said Merry. “I am afraid I was not looking beyond tonight’s bed” («**Либо ничего, либо двойная порция** – это у тебя всегда так! – сказал

Мерри. – Боюсь, я не загадывал ни о чем дальше сегодняшнего ночлега») [Tolkien 2000b:134] Данный фразеологизм построен по модели английского фразеологизма *all or nothing* (все или ничего) [NTC 2000: 280] и имеет похожее значение «всё или ничего», однако Толкин заменил нейтральное «all» на более развёрнутое и экспрессивное «double helping». Возможно, автор сделал это, чтобы показать, насколько сильно было удивление хоббита Мерри, а также – чтобы в речи простодушного хоббита фразеологизм смотрелся органичнее, ведь «helping» в английском языке означает и помощь, и порцию еды, и подобный фразеологизм мог встретиться именно в речи хоббита, для которого роль сытного обеда очень велика.

Как упоминалось выше, в данном исследовании рассматривается 106 пословиц и 527 фразеологизмов. Проанализировав пословицы и фразеологизмы по происхождению, мы увидели, что среди пословиц самой большой оказалась группа авторских неологизмов – 82 пословицы. Вторая по численности группа – это традиционные английские пословицы: их было найдено 16. И последняя группа – это трансформированные традиционные пословицы, которых было обнаружено всего 8. Что касается фразеологизмов, то традиционными английскими фразеологизмами в трилогии является 441 единица, затем идут авторские фразеологизмы – 54 единицы, а затем трансформированные фразеологизмы – 32 примера.

Мы видим, насколько число употреблённых Толкином фразеологизмов превосходит число пословиц. А также мы видим, что если в пословицах по многочисленности идут сначала авторские пословицы, затем традиционные и трансформированные, то с фразеологизмами картина противоположная: сначала идут традиционные фразеологизмы, а затем, в маленькой пропорции относительно общего числа, авторские и трансформированные фразеологизмы. Мы считаем данную статистику не случайным совпадением, а вполне показательным и логичным явлением. Во-первых, количество фразеологизмов, в пять раз превышающее количество пословиц, обусловлено тем, что фразеологизмы порой являются настолько незаметной частью повседневной речи, что, вполне возможно, выходили из-под пера автора помимо его интенции включить их в текст, в то время как в пословицах заметно, что Толкин тщательно обдумывал то, как и куда поместить перлы народной мудрости или фразы, позиционирующиеся как таковые. Понятно, что пословицы больше заметны в речи персонажей, и Толкин делал на них больший упор, поэтому каждая пословица является уникальной законченной мыслью с дидактическим содержанием, и определенной пословицей наделен лишь один определенный персонаж (ни одна пословица в тексте не повторилась), в то время как фразеологизмы часто повторялись как в чистом виде, так и с незначительным варьированием и кочевали из речи одного персонажа в речь другого персонажа (фразеологизм *to keep an eye on* повторяется трижды - так же, как и фразеологизм *with a heavy heart*). Сходным образом это отразилось и на соотношении количества традиционных и авторских пословиц. Если на пословицы Толкин делал особый упор и сочинял их лично для каждого персонажа с определённым намерением, то фразеологизмы существуют в трилогии скорее для украшения и оживления речи, а также в силу того, насколько они живут в речи самого Толкина. Более того, создать авторскую

пословицу проще, чем фразеологизм, поскольку существуют частотные модели пословиц, на которые Толкин ориентировался при создании авторских пословиц, в то время как создание авторского фразеологизма, на наш взгляд, задача более сложная, однако такие примеры мы также нашли в тексте трилогии.

Интересно то, что при анализе фразеологизмов обнаружили ведущие по числу тематические гнезда. Так, например, 40 фразеологизмов включали слово *сердце* (heart) (пример: *Now he is a marvel, the Lord Elfstone: not too soft in his speech, mind you, but he has a golden heart, as the saying is* (Удивительный этот Лорд Эльфийский Камень: на словах не очень мягок, имей в виду, но **сердце у него**, как говорится, **золотое**) [Tolkien 2000c: 161]). В 20 фразеологизмах упоминается *глаз* или *глаза* (eye, eyes) (*There is more about you than meets the eye, as I said of him long ago* (В тебе есть нечто **большее, чем то, что видно простым глазом**, как я когда-то давно сказал о нем) [Tolkien 2000a: 252]). Также популярны в трилогии фразеологизмы со словом *смерть* или *мертвый* (death, dead) – 10 фразеологизмов (пример: *The chief danger is that the poor beast is probably **at death's door*** (Главная беда в том, что несчастная тварь, наверно, **вот-вот ноги протянет**) [Tolkien 2000a: 136]). В 6 фразеологизмах задействовано слово *кровь* (blood) (пример: *It is doubtful if he ever did anything braver **in cold blood**, or more unwise* (Сомнительно, чтобы он когда-либо проявлял больше **хладнокровия** и отваги или делал **большую глупость**) [Tolkien 2000b: 147]).

Что касается тематики пословиц, то в них, как и в самом произведении, охвачены различные темы, поднимаются фундаментальные вопросы добра, зла, любви. Так, мы обнаружили в трилогии 8 пословиц о добре (пример: ***One good turn deserves another*** (Одна добрая услуга заслуживает другой) [Tolkien 2000b: 154]), 10 пословиц о зле (пример: ***But it has long been said: oft evil will shall evil mar*** (Но давно было сказано: **часто злая воля губит само зло**) [Tolkien 2000b: 139]), 5 пословиц о дружбе (пример: ***Yet twice blessed is help unlooked for, and never was a meeting of friends more joyful*** (И **дважды благословенна помощь, которой не ждали**, и никогда встреча друзей не была радостнее) [Tolkien 2000b: 76]), 10 пословиц о предательстве (пример: ***Fair speech may hide a foul heart*** (У прекрасной речи может быть гнилая сердцевина) [Tolkien 2000b: 198]), 13 пословиц о доблести (пример: ***Valour needs first strength, and then a weapon*** (Доблести нужна сначала сила, а потом – оружие) [Tolkien 2000b: 206]) и так далее.

Как упоминалось выше, фразеологизмы во «Властелине Колец», как правило, встречаются и в повествовании, и в авторской речи (например: *There were some that shook their heads and thought this was **too much of a good thing*** (Были те, кто качал головами и думал, что **хорошего понемножку**) [Tolkien 2000a: 13]), в то время как все пословицы, за исключением одной, вложены в уста персонажей Средиземья. Лидером по употреблению пословиц оказался волшебник Гэндальф, в речи которого встретилось 19 пословиц, например: *No, **the burned hand teaches best. After that advice about fire goes to the heart*** (**Обожженная рука – лучший учитель**). После такого совет по поводу огня доходит до самого сердца) [Tolkien 2000b: 142]. И в целом следует отметить, что в речи героев, отражающих сторону добра, пословицы встречаются намного чаще, чем в речи героев, отражающих сторону зла.

Отдельно хотелось бы отметить, что в процессе поиска происхождения пословиц мы также обратили внимание на то, что некоторые авторские пословицы из «Властелина Колец» уже вошли в современный английский язык. Данный факт можно проиллюстрировать примерами из Интернета. Например, толкиновская пословица *The praise of the praiseworthy is above all rewards* (похвала от того, кто сам достоин похвалы, превыше всех наград), часто употребляется на разных сайтах и форумах сети Интернет, например:

«My aim wasn't to write a reference work, but rather to write the kind of book that people will enjoy reading, and which enthusiasts of open science can give to their friends and family to help explain what open science is all about, and why it matters so very much.

*Let me conclude by quoting one of my favorite lines from Tolkien: **The praise of the praiseworthy is above all rewards**» [URL: <http://michaelnielsen.org/blog/>].*

Другим примером является употребление толкиновской пословицы: *The wise speak only of what they know* (Мудрые говорят только о том, что знают). Проведя поиск в Интернете, мы увидели, что многие часто цитируют данную пословицу в Интернет форумах. [URL: <http://www.thatschic.net/2010/03/wise-speak-only-of-what-they-know.html> и URL: <http://community.batmanarkhamcity.com/forums/showthread.php/12023-the-game-is-slow!-can-any-one-help>].

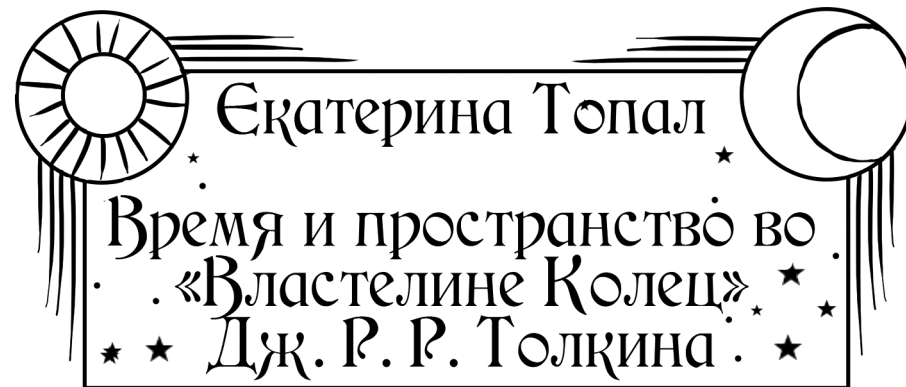
Таких примеров в Интернете много. Интересен факт, что некоторые пословицы употребляются со ссылкой на Толкина, а некоторые уже вошли в обиход и употребляются просто как известные пословицы. Доказательством этой тенденции может послужить информация, найденная нами в одном из Интернет-блогов: *«I actually heard the phrase “**praise of the praiseworthy is above all rewards**” from one of Tim Keller's sermons (he leads the church I attend www.redeemer.com) but after my Google search I think he might have been quoting that from Lord of the Rings»* (Я на самом деле слышал высказывание **«Похвала от того, кто сам достоин похвалы, превыше всех наград»** в одной из проповедей Тима Келлера (он лидер той церкви, в которую я хожу [*Redeemer Church – пресвитерианская церковь в Нью-Йорке, одна из наиболее влиятельных – Прим. ред.*]), но после своих поисков в *Google* я думаю, что он мог взять эту цитату из «Властелина Колец») [URL: <http://reginachien.blogspot.com/2011/04/praise-of-praiseworthy.html>]. Хотя вероятно и то, что Толкин не придумал эту фразу (существует латинское высказывание *Ea est profecto jucunda laus, quae ab iis tribuitur, qui ipsi veram meruunt laudem* с аналогичным значением), но можно считать, что в современный пословичный фонд она вошла именно благодаря Толкину.

То, что пословицы из «Властелина Колец» употребляются вне контекста произведения, в очередной раз демонстрирует влияние Толкина и его книг не только на литературную жизнь, но и на жизнь современного языка и его носителей.

Библиография

- 1) 101 American English Proverbs: Collis, Harry and Mario Risso. 101 American English Proverbs. Understanding Language and Culture Through Commonly Used Sayings. Chicago, 1992.
- 2) Bible: Matthew 24: 36: URL: <http://biblehub.com/matthew/24-36.htm> (дата обращения: 10.05.2012).
- 3) Cambridge 2002: Michael McCarthy. Cambridge International Dictionary of Idioms. 5th ed. Cambridge, 2002.
- 4) Michael Nielsen's Blog 2012. URL: <http://michaelnielsen.org/blog/> (дата обращения: 20.04.2013).
- 5) NTC 1993: Anne Bertram, Richard A. Spears. NTC's Dictionary of Proverbs and Cliches. Chicago, 1993.
- 6) NTC 2000: Richard A. Spears. NTC's American Idioms Dictionary. Chicago, 2000.
- 7) Regina Chien: The Praise of the Praiseworthy 2012. URL: <http://reginachien.blogspot.com/2011/04/praise-of-praiseworthy.html> (дата обращения: 23.05.2014).
- 8) That's Chic: the wise speak only of what they know 2012. URL: <http://www.thatschic.net/2010/03/wise-speak-only-of-what-they-know.html> (дата обращения: 23.05.2014).
- 9) Tolkien 2000b: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, The Two Towers. New York, 2000.
- 10) Tolkien 2000c: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, The Return of the King. New York, 2000.
- 11) Tolkien 2000a: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, Fellowship of the Ring. New York, 2000.
- 12) Кунин 1984: Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
- 13) Кусковская 1987: Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. Минск, 1987.
- 14) Митина 2002: Митина И.Е. Английские пословицы и их русские аналоги. СПб., 2002.
- 15) Модестов 2000: Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М., 2000.
- 16) Селиверстова 2009: Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб., 2009.

Джон Толкин создал в своем воображении – а позднее и в своих произведениях – уникальный и детально проработанный мир, населенный самыми разнообразными существами. Однако по пространственно-временным характеристикам Средиземье неоднородно: каждому локусу, в котором обитает та или иная группа существ, соответствует специальный пространственно-временной континуум, на пересечении различных типов которых во многом основано сюжетное движение.

Путешествие, которое предстоит совершить четырем главным героям, – хоббитам из Шира – велико и полно опасностей, однако за четыре долгих года они ни на день не забывают о своем доме. От маленьких созданий-полуросликов зависит судьба огромного мира; несмотря на их кажущуюся незначительность, они являются центральными фигурами огромного романа.

К тому же они – единственные персонажи трилогии, которые представлены в развитии и развитие которых на протяжении всего повествования получает неожиданный оборот. Они проявляют черты, изначально не свойственные своей расе, но вполне привычные для представителей других народов Средиземья: эльфийскую гордость, человеческую преданность, гномью воинственность. Остальные персонажи поступают в соответствии со своей этнопсихологией, и их истории вполне логичны и закономерны: Арагорн становится королем, как от него и ожидают, Гэндальф, как один из представителей мифологической эпохи, покидает этот мир.

То же происходит с их домом: на протяжении повествования Шир обнаруживает черты, казалось бы, ему не свойственные, но являющиеся доминантными для локусов «большого» Средиземья. Он является единственным из существующих типов сочетаний пространства и времени, представленным в развитии (другие локусы могут исчезать, как, например, Мордор, но не изменяться).

Шир (Хоббитания) – совсем небольшое пространство (в эссе, написанном Толкином для облегчения перевода «Властелина Колец», указана его приблизительная площадь – 18 000 кв. миль или 47 000 кв. км.), расположенное на краю Средиземья и процветающее в своей добровольной отрешенности от большого мира. «Хоббиты обустроили этот уголок по-своему, сделали его спокойным и благодатным, а о бедах и тревогах внешнего мира вспоминали все реже».

Сам Толкин однажды написал: «Корни Шира восходят к деревенской Англии, и ни к

какой иной стране», поэтому неудивительно, что в ландшафтах Шира нашел свое продолжение созданный Чосером миф о «счастливой зеленой Англии». Даже само слово «shire» переводится как «графство», а потому здесь «...протянулись изгороди с воротами, возделанные поля, оросительные потоки. Все было знакомо, надежно и мирно: обыкновенная Хоббитания».

Как уже было сказано, жители Шира мало что знали об окружающем их локус мире: «...он разглядывал старые карты, где Хоббитания была окружена белыми пятнами», но самих хоббитов это мало заботит, т. к. в их жизни действительно важными являются совсем другие вещи – бытовые радости и работа «на земле», что маркирует Шир как идиллическое пространство.

М. М. Бахтин в своем труде «Формы времени и хронотопа в романе» говорит о том, что одна из важнейших черт отношения времени к пространству в идиллии – это «органическая прикрепленность жизни к месту – к родной стране со всеми ее уголками». Кроме того, упоминается другая особенность идиллии – «строгая ограниченность ее только основными немногочисленными реальностями жизни».

Сходные характеристики обнаруживаются в описаниях Шира и его обитателей. В более раннем, чем трилогия, произведении Толкина «Хоббит, или Туда и Обратно», говорилось о том, что маленький народец, населяющий этот клочок земли, старается никуда не вмешиваться и ни во что не вступать (тех же, кто, подобно Бильбо Бэггину, пускается на поиски приключений, считают чужаками, «неправильными»). А жизнь «правильных» хоббитов приурочена к календарному циклу.

Кроме всего вышперечисленного, в изображении Шира заметную роль играют типичные для идиллии живописания обильной еды, питья, подробностей бытовых аспектов жизни: «Хоббиты так и жили: хохотали до упаду над самыми неприятельскими шутками да садились за стол по шести раз на дню (было бы что в рот отправить). Умели они от души порадоваться веселой компании, щедрты были на подарки, да и принимали их с удовольствием».

Однако на фоне «основы» – идиллии Шира – обнаруживаются «мини-локусы», чьи пространственно-временные характеристики не соответствуют выше описанному, но зато совпадают с пространственно-временными характеристиками самого Средиземья, причем так, что Шир превращается в своеобразную «игрушечную» модель большого мира, где представлены, как уже говорилось по другому поводу, основные типы сочетания пространства и времени.

Пожалуй, самое известное подземелье Средиземья – Мория, огромный город, вырубленный в толще Мглистых гор. Некогда процветающее государство гномов, Мория превратилась в склеп для своих создателей, населенный орками, гоблинами и прочими созданиями тьмы. Солнечный свет сюда почти не проникает, всюду царит упадок и запустение: «Ноги тонут в густой пыли, под подошвами хрустели и перекатывались какие-то обломки.

Посреди палаты – как раз туда падало больше всего света из маленького окошка – на прямоугольном постаменте фута два высотой покоилась могильная плита...», а от сокровищ, слухи о которых некогда ползи по всему Средиземью, не осталось и следа. «Толща пыли у обоих порогов скрывала черепа и кости убитых... по всей палате в многочисленных нишах стояли окованные железом деревянные сундуки. Все они были взломаны, содержимое разграблено или уничтожено». Время здесь максимально замедляется: «Целых два тягучих, показавшихся ему бесконечностью часа он вглядывался в темноту...».

Как ни странно, в маленьком уютном Шири вполне возможно найти пространственно-временной аналог копиям Мории, а именно Могильники.

Принадлежность Могильников к пространственным границам Шира спорна, однако любые сомнения развеются, если обратиться к картам Шира, многие из которых были нарисованы лично Толкином.

На первый взгляд, поросшие травой зеленые курганы не представляют опасности, но древние злобные призраки, обитающие здесь, только и ждут того момента, когда сон сморит зазевавшихся путников, чтобы заманить их под землю, в сложное переплетение залов и коридоров. «Они оказались в огромном зале с мглистыми сводами, в центре которого, как колонна, торчал камень». Совпадают Могильники с Морией даже в плане освещения: «...темнота редеет, сменяясь тусклым бледно-зеленым светом», кроме того, и там, и там имеются сокровища – «горы тошнотворного, мертвяще тусклого золота». Время здесь, как и в Мории, замедляется: «Время, казалось, остановилось – так томительно долго тянулись мгновения».

Хотя Могильники не были построены гномами, они, как видно из сказанного выше, по пространственно-временным характеристикам совпадают с характеристиками Мории.

Фангорн далеко не так известен широкой публике, как, например, Золотой лес Лориен, однако он – остаток самой древней первобытной чащи, когда-то полностью покрывавшей землю. И населен он древнейшими же существами – энтами, живущими здесь еще с тех пор, «когда мир был молод, а леса обширны и дики». Древность, первобытность – лучшие слова, характеризующие данный локус, историческое время которого остановилось: «...переплетались ветви огромных, казавшихся невысказанно древними деревьев. В тусклом свете раннего утра крохотные фигурки взбирающихся по склону хоббитов напоминали эльфов незапамятных времен Пробуждения...».

Еще меньшему количеству людей известно о существовании Заповедного Леса (Old

Forest), который находится в пространственно-временных границах Ширы. А между тем, этот лес по всем пространственно-временным характеристикам совпадает с Фангорном, главным образом потому, что *«Заповедный Лес не зря считался древним: он представлял собой один из последних островков извечного леса, некогда покрывавшего всю землю. Здесь жили еще праотцы деревьев, стареющие не быстрее, чем горы, и помнившие те времена, когда только они владычествовали над миром»*, поэтому не удивительно, что время застывает и здесь – *«не было никакого подлеска, никакого молодняка»*.

В Заповедном Лесу можно найти даже нечто, очень напоминающее энта – ведь старый Ясень (в других переводах – Старый Вяз, Старый Лох, Старая Ива) (Old Man Willow) очень похож на злобного, окончательно одревеневшего энта, повелевающего Лесом, как армией покорных слуг.

Поэтому не остается сомнений, что Заповедный Лес – уменьшенный пространственно-временной аналог Фангорна, представляющий собой последние остатки архаического первобытного пространства.

Мордор и Шир Сарумана

Мордор – черная страна, которая даже своим местоположением противопоставлена Ширу: первый находится на востоке, в то время как второй – на западе Средиземья.

Площадь местности, занимаемой силами зла, огромна (в эссе Толкина, которое упоминалось ранее, сказано, что это 175 000 кв. миль или 453 000 кв. км). Мордор – бесплодная и безжизненная земля, покрытая бесконечными трещинами и рытвинами, которую венчают два огня – крепость Сауруна с огненным Оком и негаснущий вулкан Роковая Гора. Черные скалы, покрытые толстым слоем пепла, и «мертвецкая тишина» одних мест, чередующаяся с «гулом и рокотом» других: *«Далеко на юге в дымном тумане виднелось солнце, зловещее, мутно-багровое, и простерся кругом сумрачный, онемелый, мертвецкий Мордор, словно в ожидании страшной грозы»*.

Понятие о времени как таковом здесь практически отсутствует. Вечно горит пламя Ородруина, неустанно кипит страшная работа в рудниках и шахтах: *«Четверо суток назад спаслись они от орков, но минувшие дни и ночи слились в сплошной черный морок»*. Попавшие в Мордор Фродо и Сэм теряют даже представление о смене дня и ночи: *«Возможно – ежели Голлум не соврал, – и вправду был день, но хоббиты особой разницы не заметили. Разве что черное небо над головой словно бы подернулось дымом, и каменные склоны окутались серым сумраком, хотя непроглядная тьма по-прежнему хоронилась в расщелинах и провалах»*. Мордор – место, где царит перманентная катастрофа.

Казалось бы, что у Ширы не может быть ничего общего с этим царством хаоса, однако это не так. В конце Третьей Эпохи Шир, благодаря Саруману, претерпевает жуткие изменения, превращаясь в «филиал» черной земли: *«...небо оставалось серым, и окрестности*

выглядели на редкость тоскливо даже для осенней поры. Вокруг царило запустение, а поодаль то здесь, то там что-то дымилось, будто догорали пожары». Благоустроенный, уютный, маленький Шир становится такой же обителью хаоса, как и земля на востоке: вырубается леса, роются шахты, строятся уродливые кузницы. *«Это даже и не грабеж – грабители добро себе прибирают, а эти нороят все прахом пустить, деревья рубят – бросают гнить, дома жгут – оставляют пепелища»*. Для многих ужасные перемены, происходящие с их родной землей – настоящая катастрофа.

«– Здесь даже хуже, чем в Мордоре, – сердито проворчал Сэм. – Стократ хуже, потому как это наш дом, и мы помним, каким он был раньше! <...> – Да, без Мордора не обошлось, – кивнул Фродо».

Но все-таки, учитывая «игрушечность» Ширы, влияние темных сил здесь проявляется не в таких масштабах; например, временной характеристики оно так и не касается.

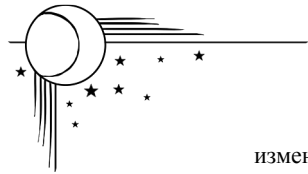

Ривенделл, Лориэн и жилище Тома Бомбадила, а также подарок Галадриэли

Два «эльфийских» локуса – Ривенделл и Лориен представляют собой скрытые от посторонних глаз пространства, в которых время или полностью, или практически замерло. Так, например, Ривенделл отделен от остального мира поросшими вереском плоскогорьями, а ближайшее человеческое поселение – Бри – находится за много лиг от него. Кроме того, он защищен мощными чарами, – *«Здесь, в Ривенделле, можно ничего не бояться»* – а место это, *«где сама земля заживает раны»*, действительно является одной из жемчужин Средиземья.

Золотой лес Лориен окружен непроходимыми чащами и бурными потоками; кроме того, его границы неустанно охраняются. Однако, попадая туда, чужестранец сразу замечает отличие этого места от остального мира, причем не только в пространственном отношении. В своей книге «Священное и земное» Мирча Элиаде пишет о том, что *«священное время по своей природе обратимо, в том смысле, что оно буквально является первичным мифическим временем, преобразованным в настоящем»*. Лориен, являясь одним из локусов, существующих прямо от начала Средиземья и косвенно – от начала самого мира, полностью соответствует этим характеристикам: *«Он смотрел на канувший в прошлое мир, освещенный навеки исчезающим светом, и этот поразительно древний мир, открываясь его изумленному взору, как бы на его же глазах и рождался. Тут нельзя было летом сожалеть о весне или мечтать зимой о лете – в неизменной жизни Благословенного края прошлое и будущее сливалось воедино»*.

Снова ссылаясь на Элиаде, скажем, что *«всякое священное пространство предполагает какую-либо иерофанию, некое вторжение священного, в результате чего из окружающего пространства придаются качественно отличительные свойства»*. У Толкина этим качеством является статус «благословенности», идентичный статусу «первозданности, неиспорченности», и он присущ главным образом именно тем локусам, которые сохранили

свою изначальную «первородность», но первородность не архаическую, а культурную, т.е. таковыми можно считать именно эльфийские локусы, остающиеся неизменными на протяжении тысячелетий. В то же время отрицание, изменение либо отказ от «первозданности» неизбежно влечет за собой немедленную десакрализацию локуса, как это произошло, например, с

Изенгардом под влиянием Мордора или отчасти произошло с Гондором после гибели Белого Древа, являвшегося сакральным элементом человеческой культуры Средиземья.

Удивительно, но в пространственно-временных характеристиках Ши́ра можно найти аналоги и «эльфийских» локусов. Это застывший в вечности дом Тома Бомбадила, окруженный со всех сторон Заповедным Лесом. *«Том был здесь прежде рек и деревьев, первую каплю дождя помнит он, первый желудь. Я первым протоптал здесь тропы, на моих глазах пробуждались народы – великие и малые».* В простом доме, сложенном из дикого камня и крытого соломенной крышей, время замирает: *«Вправду ли прошел день и наступил вечер, один ли это был день – Фродо не имел ни малейшего понятия».* Интересна и еще одна характеристика этого места, так схожая с характеристикой Ривенделла: *«Вам нечего бояться, сегодня вы под надежным кровом Тома Бомбадила».*

Шир сакрализуется после появления чудесного лориенского дерева, семечко которого было подарено Сэму Галадриэлью: *«В апреле на молодом деревце с серебристой корой и длинными листьями распустились золотые цветы. Впоследствии многие стали приходить издалека, чтобы взглянуть на это диво, ибо это был маллорн, единственный к западу от Гор и к востоку от Моря, и один из прекраснейших в мире».* После того, как вырос маллорн, земля хоббитов приобрела статус благословенности: *«Шир навсегда пребудет цветущим, благословенным краем»...*

Как уже было сказано выше, Шир абсолютно самодостаточен и автономен, и именно поэтому его обитатели не слишком интересуются происходящим в большом мире, однако новые наблюдения позволяют несколько расширить понятие «автономности».

К концу Третьей Эпохи Средиземье становится все более и более однородным в пространственно-временном отношении. Вечная катастрофа Мордора исчезает вместе с Кольцом, незадолго до этого пал «мордороподобный» Изенгард, большая часть Фангорна вырублена, гномы все глубже и глубже уходят в горы, а эльфы покидают Средиземье, унося с собой память о чудесах былых времен; и правдой оказываются слова одного из персонажей о том, что Четвертая Эпоха будет временем людей. Человечество строит собственный новый мир, одновременно разрушая старый – повсюду в Средиземье остаются следы канувших в Лету государств, руины сторожевых башен, разрушенные дороги, заброшенные крепости... Повсюду, кроме Ши́ра. Все уходящие типы пространства и времени переходят сюда, в маленькую страну на западе, и постепенно Шир становится той самой «игрушечной» копией Средиземья, за некоторыми исключениями.

Во-первых, тут не найдется руин старого мира по той простой причине, что Шир пребывает в стабильном состоянии со времени своего основания, и даже старый хлам здесь

не выбрасывается, но бережно сохраняется, переходя из рук в руки в качестве особого вида подарков – *матома (mathom)*.

Во-вторых, интересен тот факт, что среди пространственно-временных «отклонений», наблюдаемых в Шире, нет локусов, которые бы соответствовали «человеческим» локусам большого Средиземья – Гондору или Рохану. Это наталкивает на мысль о том, что Шир представляет собой вариант идеального Средиземья без пагубного влияния человечества, где ничто не исчезает бесследно и где в жизни царит безмятежность и гармония.

Даже три «породы» хоббитов репрезентируют три основные нации Средиземья – людей, эльфов и гномов. Мохноноги (англ. Harfoots) – «самые правильные» хоббиты, предпочитающие холмы и взгорья, являются своеобразными отражениями гномов, светлокожие и высокие обитатели чащ Лесовики (англ. Fallohides) – эльфов, а большерукие и крепкие Хваты (англ. Stoors), живущие на равнинах – людей.

Шир по мере развития сюжета раскрывает или приобретает черты, изначально ему не свойственные, и именно наличие фактора развития, изменения (но при этом изменения не разрушительного, как, скажем, метаморфозы, насильственно насаждаемые Саруманом сначала в Фангорне и Изенгарде, а потом в самом Шире, а созидательного) определяет Шир как модель идеального существования. Это, с одной стороны, доказывает отношение Толкина к прогрессу как к чему-то фатальному, но, с другой стороны, подтверждает и то, что жизнь без каких бы то ни было изменений ведет к застою и самоизживанию.

Мифологическая эпоха уходит из Средиземья. Одно за другим погибают древние чудовища – дракон Смауг, Балрог, паучиха Шелоб, хранитель врат Мории, крылатые «кони» назгулов... Но без мифа мир теряет свою прелесть, становясь проще и тусклее – нигде больше не будет ни эльфов, ни гномов, ни волшебства великих Колец, ни шелеста серебряных листьев на ветру. Нигде, кроме маленького Ши́ра, до которого никому нет дела.

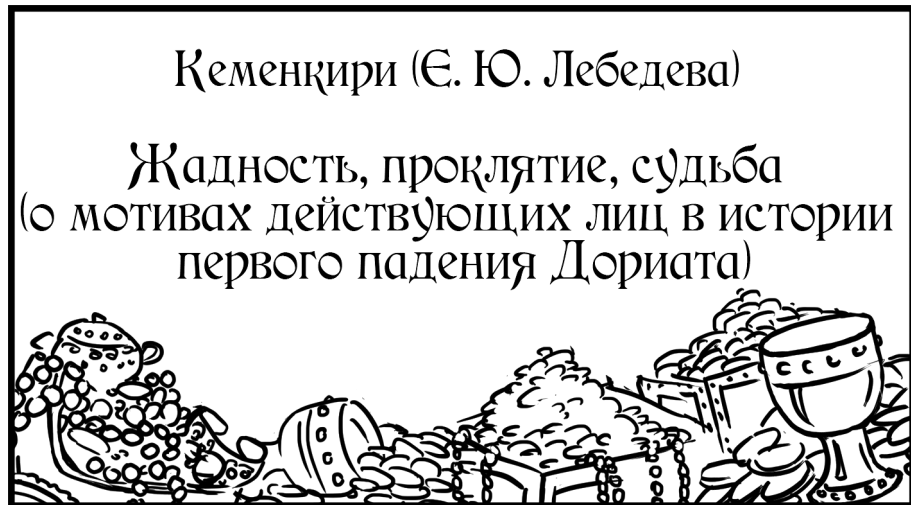
Источники и литература

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234 – 407.

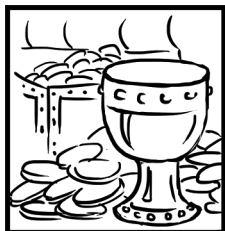
Полная история Средиземья: [сб.: пер. с англ.] / Джон Р. Р. Толкин. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2007. – 1341, [3] с.: ил.

Толкиен Дж.Р.Р. Властелин Колец: Трилогия. – М.: Эксмо, Яуза, 2004. – 992с.

Элиаде М. Священное и мирское//URL: http://modernlib.ru/books/eliade_mircha/svyaschennoe_i_mirskoe/read/

Данное исследование продолжает тему, начатую докладом на Блинкоме-2011 (««Падение Дориата» – как это было в «Сильмариллионе» (о мотивах действующих лиц... и редактора)»). Но там предметом рассмотрения стал опубликованный «Сильмариллион» – и указанные в нем мотивации героев. Основным выводом стало подтвержденное указание Кристофера Толкиена, что многие моменты этого сюжета «не имеют никакого основания где-либо в текстах» Профессора («История Средиземья», т. 11, с 354). В частности, из сюжета оказался практически полностью исключен элемент «проклятого золота», значительно расширено количество указаний на привязанность к Сильмарилу (у Тингола, гномов), а некоторые решающие действия персонажей оставлены вовсе без объяснения (Диор, Мелиан). Тем интереснее, как мне представляется, выяснить, какие же мотивы побуждают действовать героев собственно толкиеновских текстов! Поскольку, таким образом, объем материала для анализа явно увеличивается, я ограничусь рассмотрением лишь событий первого разорения Дориата, истории столкновения Тингола и гномов, касаясь как предыстории этого события (столкновение Хурина и Мима) так, отчасти, и ближайших последствий (разгром гномов и переход Наугламира к Берену и Люттиен). Рассмотрению толкиеновских текстов о Диоре и Эльвинге в том же аспекте я надеюсь посвятить доклад на Весконе.

Рождение сюжета

Сюжет о разорении Дориата был лишь однажды, в самом начале трудов Толкиена, изложен в достаточно подробных текстах – в «Утраченных сказаниях». Множественное число здесь уместно, поскольку история прихода Хурина вначале в Нарготронд, затем в Дориат

(1) находится в финале «Сказания о Турамбаре», а дальнейшим событиям посвящено уже отдельное сказание, «Науглафринг». Благодаря тому, что первоначальная концовка «Турамбара» была отвергнута, причем не переписана «сверху» (как большинство текстов «Утраченных сказаний»), а просто зачеркнута, а также благодаря публикации Кристофером нескольких последовательных набросков, мы можем увидеть, как сюжет возникает прямо на наших глазах. Эти тексты (в особенности наброски) еще достаточно кратки, и о мотивациях героев мы не найдем в них практически ничего. Впрочем, они могут дать иную интересную информацию, полезную при рассмотрении последующих текстов: какие элементы сказания из известных нам возникают раньше, какие позже и не раз меняются. Самые ранние устойчивые элементы нельзя бесспорно назвать «основополагающими», но все же факт постоянства заслуживает внимания.

И вот что мы увидим в набросках: эта история почти с самого начала – история о проклятии, проклятом сокровище, а уж кто именно его проклял и к каким последствиям это привело – определяется позже.

В самом раннем наброске (парадоксальным образом расположенном в тетради *после* основного текста!) **этого** дориатского сюжета еще нет, только мелькает упоминание «кучи сокровищ» при убиении Турином дракона – без какого-либо последующего участия в сюжете.

(Кстати, первый и последний кивок в сторону мифологии реального мира в этом докладе: здесь с самого начала разделены история героя-драконоубийцы – и история проклятого сокровища: Турин никак не пересекается с сокровищем Глаурунга, а Хурин и последующие владельцы сокровищ – с самим драконом).

Но уже в первой версии текста проклятие возникает, причем проклинает сокровище Хурин (точнее, Урин), после пришедшего с ним отрядов изгоев в Дориате. Король Дориата топил проклятое сокровище в реке, «и долгое время никто не видел этого золота, если не считать Кольца Рока (исправлено на «Ожерелье Карлов»)» («Книга утраченных сказаний», т. 2, с. 136).

Эта версия текста, как я говорила, была отвергнута, и до следующей последовали еще два наброска. Причем в первом нет вовсе никакого Урина-Хурина, сокровище Глаурунга уносят эльфы Дориата в отсутствие сторожей, а те («гонги» – существа вроде орков) проклинают похитителей, вернувшись (там же). А во втором наброске Урин и его отряд возникают вновь, теперь уже они уносят сокровище в отсутствие сторожей, и те опять проклинают похитителей, вернувшись. (там же, с. 136–137). На протяжении этих набросков понемногу возникают контуры дальнейшей истории: изготовление Ожерелья, гибель Тингола, грабеж его чертогов; во втором упоминается и битва Берена с гномами – правда, в реке утоплено все сокровище (включая Сильмарил!), и дальнейшая судьба его не слишком определена (когда-то позже его вновь находят гномы, «оно становится знаком их короля» (там же, с. 137)).

Во второй версии текста «Сказания о Турамбаре» появляется гном Мим, и проклятие уже произносит он. С этого времени «проклинающая сторона» уже не меняется (а вот отряд Хурина в последующих текстах 4 тома снова «исчезает», и появляется вновь в следующем тексте).

Наконец, словарная статья в «Номском Лексиконе» простирает действие проклятия дальше Дориата: «...погубило Берена Эрмбавед и Дамрода его сына, и не упокоилось, пока не утонуло вместе с Эльвинг... на дне моря» (там же, с. 346, статья «Науглафринг»).

Что позволяет заключить этот краткий обзор? Повторюсь еще раз: это с самого начала «история о проклятии», и этот элемент оказывается даже более стабилен, чем вопрос, КТО проклинает, по какому поводу, и к каким именно последствиям это приводит. И, напротив, изменения, доработка, добавление и убавление элементов сюжета никак не затрагивают факт наличия проклятия.

«Сказка о неслыханной Жадности»

(Развитие сюжета в «Науглафринге»)

Если мы перейдем к сказанию о Науглафринге, единственному относительно подробному тексту на этот сюжет, то действие упомянутого проклятия (и проклятого золота) в сюжете проявится довольно скоро... и масштабно.

Приводить все примеры и цитаты пришлось бы довольно долго; если же суммировать, то выяснится, что проклятое золото так или иначе влияло и побуждало к действиям следующих персонажей:

- всех присутствовавших при сцене принесения золота, а именно: отряд, пришедший в Дориат с Хурином (здесь он снова действует), и эльфов, наблюдавших эту сцену; между ними затем происходит кровопролитное сражение;

- Тингола;
- гномов, обрабатывавших золото;
- лично эльфа Уфедина, обсуждавшего с гномами коварные замыслы;
- эльфов-предателей, благодаря которым гномы проходят через завесу;
- и, видимо, Берена и Лютиен.

В последнем пункте уже проявляется своя специфика, и речь идет именно о влиянии; все же прочие персонажи под влиянием проклятия совершают и различные действия. (Интересно, что ни здесь, ни в одном из последующих текстов не описывается действие проклятия на Мелиан или Хурина).

Таким образом, мотив, оставшийся на этапе формирования сюжета одним из основных, здесь оказывается основным мотивом поступков. Кристофер Толкиен отмечает в комментариях, что данный мотив «оказывает огромное влияние на ход событий, можно даже сказать, ... играет главную роль» («Книга утраченных сказаний», т. 2, с. 246).

Надо отметить, что мотив этот все же не остается единственным: так, гномы говорят и о мести, когда узнают о гибели Мима – но мщение тесно сплетается у них, впрочем, с мыслью, что сокровища убитого Мима теперь должны перейти к ним (там же, с. 230).

Интересно, что формулировка «действующего фактора» бывает несколько различна: речь может идти о «чарах», «проклятии» или, в смешанном варианте, о «чарах проклятого

золота». Установить какое-то распределение этих формулировок между разными персонажами не удалось: они в равной мере выпадают всем. Однако в описанном действии на них можно проследить некое различие, хотя и не вполне строгое (речь все же идет о художественном тексте!). Если говорится о «чарах», то они чаще всего усиливают привязанность к сокровищу у владельца (хотя бы временного), и желание заполучить его – у не-владельца. «Проклятие» же подвигает героев на действия или ставит в обстоятельства, приводящие к наиболее скорой гибели.

Эта двойственность, кстати, неплохо согласуется с происхождением проклятия и чар, описанных в окончательном варианте «Сказания о Турамбаре». Вначале Мим *просит* Хурина не трогать сокровища, на которых лежит «зло драконов Мелько», и поэтому ими может владеть только он, Мим, «поскольку многими темными заклятиями связал ... его с собой». Когда же Хурин не слушает его и убивает Мима тот, умирая, предрекает, что «будет следовать смерть за этим золотом».

Таким образом, проклятие – это как раз реализация предсмертного пророчества Мима, а «чары» – вероятно, исходно те самые «темные заклятия», либо сами по себе действующие так в отсутствие исходного хозяина, либо изменившие действие под влиянием все того же проклятия.

Интересна и перемена, происходящая с этим главным мотивом после разгрома гномов и попадания Науглафринга-Наугламира к Берену и Лютиен.

С одной стороны, еще во время раздора в войске гномов, когда часть из них уходит, сказано, что «*проклятие Мима почти сразу обратилось против его собственного народа, а которым и пребыло, не тревожа более Эльдар*» (там же, с. 235).

Однако в дальнейшем, после утопления сокровища в реке (за вычетом Науглафринга) исчезают скорее упоминания о *чарах* и порождаемой или «алчности». Зато Мелиан (здесь именуемая Гвенниэль) называет Наугламир «проклятой вещью». Также относительно скорая смерть Берена и Лютиен предположительно связывается с ним: «*и быть может, в том, что это случилось так быстро, сказала (? сила) проклятия Мима*» (там же, с. 239–240).

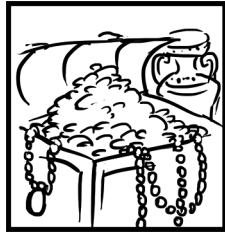
К этому следует добавить: след действия *проклятия*, причем именно в варианте принесения скорой гибели, будет замечен и дальше, в черновиках истории Эарендила. Мы видели упоминание из «Номского словаря» о том, как проклятие «успокоилось» вместе с утонувшей (в этом тексте – окончательно) Эльвинг. Также в одном из набросков о плавании Эарендила говорится: «*Проклятие Науглафринга лежит на его путешествии*» (там же, с. 254) (Притом, что плывет он без самого ожерелья!).

При этом в финале сказания о Науглафринге, в истории Диора, проклятие удостаивается лишь одного упоминания, причем в отрицательном смысле: для разорения Дориата при наличии феанорингов и их клятвы «не понадобилось даже проклятие Мима и дракона» (там же, с. 214).

Впрочем, истории Диора и Эльвинг в отношении мотивов персонажей я собираюсь проанализировать отдельно.

Пока подведу промежуточный итог по «Утраченным сказаниям»: проклятие, лежащее на золоте, как и «чары», на него наложенные, остаются главными мотивами действующих лиц – вплоть до утопления сокровища.

Что же происходит с сюжетом и мотивациями героев дальше?

Тексты до ВК

В последующих текстах, как мы знаем, одни сюжеты «Утраченных сказаний» сохранились (некоторые – изменившись при этом), другие же исчезли. Интересующий нас сюжет относится, безусловно, к первым. И даже о значительных изменениях говорить пока не приходится. Дориатский сюжет, хотя и более сжато, описывают и «Набросок мифологии», и «Квента» 4 тома («История Средиземья», т. 4, с. 32 – 33, 132 – 134); совсем краткие упоминания есть в «Анналах Белерианда» 4 и 5 томов (они практически не отличаются друг от друга). А вот в «Квенте Сильмариллион» 5 тома этот период как раз попадает на место крупного пропуска, который так и не был заполнен и в более поздних текстах, – но к этому тексту мы вернемся немного позднее.

Итак, несмотря на краткость изложения, и «Набросок», и «Квента» упоминают о «чарах» (или «заклинаниях») которые накладывает на золото Мим; о его проклятии – и действии проклятия на Тингола, гномов, эльфов-предателей, отряд Хурина... Вовсе исчезает лишь упоминание о коварном эльфе Уфедине – пособнике гномов. (О проклятии Мима и эльфах-предателях, жаждущих заполучить сокровище, упоминают кратко и оба текста «Анналов Белерианда»). Некоторые различия касаются спутников Хурина: в «Наброске» они упоминаются в Нарготронде, но дальнейшая их судьба не названа; в «Квенте» весь отряд гибнет под действием проклятия, не дойдя до Дориата, и Хурину приходится просить Тингола о помощи в переноске сокровищ (тех, самых, как отмечает Кристофер Толкиен, которые он затем с оскорблениями бросит к ногам Тингола, что выглядит не слишком логично (там же, с. 188)).

Однако общая схема событий сохраняется. Новации этих текстов в другом: они добавляют и постепенно развивают еще один эпизод. Строго говоря, к истории *первого* разорения Дориата он и не относится, а к истории окончательного разорения Дориата относится лишь косвенно. Это эпизод по поводу причин неучастия Тингола в военном союзе, закончившемся Битвой Бессчетных Слэз. Здесь меняется и развивается не только мотивация Тингола, но и появляется, во-первых, событие – «высокомерное» послание феанорингов, требующих Сильмарил. А во-вторых, как раз в «Квенте Сильмариллион» 5 тома (до этого эпизода она доходит!) появляется знаковое упоминание о привязанности Тингола к Сильмарилу. Как мне приходилось указывать в предыдущем докладе, посвященном этому же сюжету в печатном «Сильмариллионе», – единственное в собственно толкиновских текстах (хотя Кристофер Толкиен, убрав мотив «проклятого золота», ввел на его место несколько упоминаний именно привязанности к Камню).

Интересно, что если сам элемент послания и реакции Тингола на него возникает еще в «Наброске мифологии», то выделение в отдельную действующую силу привязанности именно к Камню происходит только к тексту 5 тома. В «Наброске», где приводится несколько предположительных причин поведения Тингола (эгоистическая политика, мудрость Мелиан,

судьба), говорится, что «частью это определено было из-за Сильмарила», но далее упоминается только сам факт послания, т.е. тут «из-за Сильмарила» скорее обозначает пока «из-за высокомерного послания о нем». В «Квенте» появляется совет Мелиан отдать Камень, Тингол же реагирует на тон послания, вспоминает, как Камень был добыт, – «и жадность (скупость) также, возможно, вошла отчасти в сердце Тингола, как будет показано позже». Т.е. тут нежелание короля отдавать Сильмарил скорее вписано в дальнейшую линию его привязанности к «проклятому сокровищу» (и вообще – жадности к сокровищам), которая позже также описана подробнее:

«Тогда чары проклятого золота пали на самого Тингола, короля Дориата... и семя любви к золоту, что было в его сердце, пробудилось для роста» (там же, с. 132).

Интересно, что в том же тексте ставятся в один ряд желания гномов заполучить прочие сокровища – и Сильмарил также: также пораженные «жаждой сокровища», они «замышляют предательство» – и обосновывают свои права на сокровище тем, что оно раньше принадлежало Миму; затем добавлено «Также они желали (получить) Сильмарил» (там же, с. 133). Полагаю, здесь Сильмарил может быть выделен отдельно потому, что уж права на него никак нельзя обосновать через Мима!

Таким образом, мотив особой привлекательности Сильмарила начинает уже вырисовываться, но причина этого пока никак не выделена из общей темы «страсти к пролятому золоту».

Происходит это уже в «Квенте Сильмариллион» 5 тома. К сожалению, собственно разорение Дориата и приводящие к нему события в ней так и не были описаны, и мы не знаем, насколько обновились и расширились бы мотивации героев в них. В эпизоде с письмом феанорингов же речь идет только о Тинголе:

«И с каждым днем, что он смотрел на самоцвет, все более желал он удержать его при себе навсегда. Такова была сила камня».

Итак, на этом этапе постепенно добавляется новый мотив для одного из действующих лиц – Тингола. Старый основной повод для действий как его, так и прочих персонажей, как мы видим, в целом также сохраняется, теряя лишь отдельные детали (коварный пособник гномов Уфедин). Интересно отметить также «психологическое» объяснение действия проклятия золота на Тингола (оно зацепляется за уже существующую в нем страсть к сокровищам).

К сожалению, даже столь приблизительное обобщение будет весьма трудно сделать по текстам более позднего времени, 1950-х годов и далее, когда Толкиен после написания «ВК» вновь вернулся к событиям Первой Эпохи и текстам о них. Многие из этих текстов снова остались недописаны, и в данном случае история первого разорения Дориата попала в них именно в недописанные части.

Даже взявшись подробно, как продолжение «Нарн и Хин Хурин», описывать судьбу Хурина после Ангбанда, Толкиен остановился именно перед его походом в Нарготронд. Видимо, неслучайно. Сюжет, не знавший подробного изложения со времен «Утраченных сказаний», требовал основательного обдумывания и переосмысления, даже ежели общую канву событий Профессор собирался сохранить (ср. гондолинский сюжет, где повествование обрывается на столь же ключевом эпизоде прихода Туора в город).

Таким образом, в нашем распоряжении имеются:

1. Отдельные записи и заметки, относящиеся к:

- так называемому «утраченному продолжению Серых Анналов»;
- «Нарн и Хин Хурин»;
- наброскам, связанным с окончанием «Скитаний Хурина» и дальнейшими событиями.

2. А также:

- отрывок ответа Толкиена на критику «Скитаний» читателем (!);
- ОЧЕНЬ краткие упоминания события в версиях «Повести Лет»;
- отдельные упоминания в текстах на другую тему (например, фраза из полного текста

«О Галадриэли и Келеборне» (цитирована также в примечаниях к «Повести Лет»)).

Из этих заметок многие буквально «останавливаются на пороге Нарготронда», – точнее, на указаниях, что Хурин с отрядом (если о нем есть упоминания) направляется туда, в лучшем случае – на размышлениях, почему именно Хурин идет туда.

Немногие исключения подтверждают, что общая схема сюжета сохраняется. Так, синопсис к «Нарну» уходит дальше других заметок:

«502. (...) Хурин идет в Нарготронд и убивает Мима из Малых гномов. Он и его люди уносят сокровище Глаурунга и приносят его в Дориат. Хурин принят из жалости» (2) (здесь текст обрывается).

В ответе на критику «Скитаний» Толкиен называет отряд изгоев «ядром той силы, с которой он (Хурин) идет в Нарготронд, убивает Мима и захватывает золото дракона».

В последовательных версиях «Повести Лет» упоминается, что Хурин после освобождения *идет в Нарготронд и захватывает сокровище Глаурунга. Он приносит сокровище в Менегрот и швыряет его к ногам Тингола* (Версия D1, с. 350). Дальнейшие события изложены еще более кратко: «Тингол ссорится с гномами», далее говорится, что гномы захватывают Дориат и убивают Тингола.

На мой взгляд, из этого можно сделать вывод о том, что упомянуто (сохранение схемы событий – сокровище попадает в Дориат благодаря Хурину; Тингол убит гномами после ссоры с ними), но ввиду краткости текста трудно однозначно судить о том, что НЕ упомянуто – например, об упущенном в последнем тексте отряде Изгоев. Или о ни разу не появляющемся в этих текстах упоминании проклятия на золоте. Определенно можно судить лишь об одном: судя по заметке *«В Дориат не могло войти вражеское войско!»*, Толкиен отказался и от идеи эльфов-предателей.

В остальном речь может идти только о предположениях. Приведенные тексты – кратки и очень кратки. Кристофер Толкиен сам упоминает, что в таких случаях очень трудно определить, что выпущено из-за краткости, а что – из-за смены концепции.

Мои предположения таковы. Во-первых, я считаю, что идея проклятия на золоте, скорее всего, сохранилась. Во вторых, в случае подробной записи текстов на этот сюжет, думаю, была бы весьма велика вероятность, что к ней добавились бы различные другие мотивы, не вытесняя, а дополняя ее. (Но она определенно перестала бы быть тогда единственным «главным действующим лицом», практически единственным мотивом, определяющим действия героев).

В пользу первого, помимо сохранения общей канвы событий, приведу один аргумент. «Нарн и Хин Хурин» – история, объединенная мотивом проклятия, причем к основному, морготовому, «подтягиваются» и другие, определяющие этот сюжет. В частности, история обитания Турина на Амон Руд включает эпизод, когда разбойник Андрог и гном Мим обмениваются проклятиями. Проклятие Мима исполняется на Андроге при взятии Амон Руд;

следовательно, проклятие Малого Гнома вполне может действовать в реалиях мира. Мало того, проклятие Андрога, судя по логике сюжета, также должно исполниться впоследствии, – а оно говорит именно о смерти Мима! (Причем в одном из случаев, как раз попавшем в итоге в основной текст «Детей Хурина», из самой формулировки проклятия можно сделать вывод, что Хурин придет туда не один (3)).

В пользу второго тезиса – вероятное добавление новых мотивов и объяснений – прежде всего, на мой взгляд, свидетельствует логика развития толкиновских текстов в целом, если мы сравним ранние версии тех или иных сказаний с поздними. Многие детали, появившиеся рано, получают объяснение только позже, или это объяснение меняется со временем. Здесь же иные объяснения были совершенно необходимы, поскольку поменялись многие концепции, связанные с данным сюжетом:

- концепция гномов, которые в ранних текстах были скорее отрицательными персонажами;
- концепция «лесного короля», у которого изначально не было никаких богатств;
- концепция завесы Мелиан, через которую теперь уже не смогут провести никакие эльфы, прельстившиеся золотом (да и сам образ таких эльфов сомнителен).

Наконец, усложнилась и сама концепция Сильмариллов.

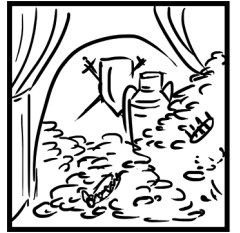
Кроме того, один из практических примеров этой поздней «полифонии», хотя и беглый, можно увидеть во фразе из полной версии текста «О Галадриэли и Келеборне», приведенном в примечаниях к «Повести Лет»: Келеборн не мог простить гномам ту роль, которую они сыграли в разрушении Дориата, *игнорируя участие в этом Моргота (который разневал Хурина) и собственные ошибки Тингола* («История Средиземья», т. 11, с. 353).

И один конкретный пример на тему, какие еще причины, мотивы и факторы действий могли быть добавлены в историю падения Дориата – один из набросков к «Скитаниям Хурина», тоже «останавливающийся на пороге Нарготронда»:

«Но почему случилось так, что он (Хурин) пошел в Нарготронд, неясно, кроме того, что таков был его рок и что судьба Самоцветов вела его». («История Средиземья», т. 11, с. 254)

Интересно, что этот фактор, «судьба Сильмариллов», упоминается не только в этом наброске, но также и в печатном «Сильмариллионе» (куда пришел из «Квенты Сильмариллион» 5 тома), и в обеих версиях «Лэйтиан». Но в ином сюжете – все эти три случая описывают момент, когда Берен попытался освободить из короны Моргота более чем один Камень (*«...но не такова была судьба Сильмариллов»* («Сильмариллион»), *«Но вокруг сильмариллов темная судьба была сплетена... и еще не пришел сужденный им час...»* (The Lay of Leithian Recommenced, вставки к песням XI-XIII, ст. 12 – 26)). Возможно, решение ввести эту действующую силу в историю разорения Дориата было не только минутным предположением. Интересно заметить при этом, что в случае с Хурином эта *судьба* ведет персонажа, у которого нет Сильмарила, в место, где его тоже нет, – хотя дальнейшие события его, несомненно, коснутся. Интересно и то, что это фактор:

- связанный с Сильмарилом;
- воздействующий на поступки персонажей (именно в варианте Хурина, в случае Берена «судьба Берена», наоборот, противостоит его действиям);
- и при этом иной, чем «нездоровая привязанность к Сильмарилу», с которой мы уже

встречались в рамках этого сюжета!

Интересно, как могли бы взаимодействовать эти два фактора внутри одного сюжета (если бы они присутствовали в нем оба) – но здесь мы уже почти ничего не можем предположить.

И наконец, последнее замечание в рамках развития сюжета о мотивах. О том, как они представлены в печатном «Сильмариллионе». Редактор этой книги, как мы знаем, убрал практически все упоминания о проклятии золота. Совершенно новых мотивов (таких, как «судьба Сильмариллов», он не добавлял. Но зато увеличил количество упоминаний о жажде удержать или получить именно Сильмарил. Вместо одного упоминания в сюжете о Нирнаэт здесь возникли еще несколько упоминаний в собственно дориатской главе – о Тинголе, а также о гномах (о которых в собственно толкиновских текстах подобных упоминаний не было). Подробно всем этим изменениям был посвящен мой предыдущий доклад. Из выводов хотелось бы добавить еще и то, что часть значимых поступков персонажей, хотя им и посвящены подробные пассажи (снова редакторские), осталась вовсе без объяснений – что, похоже, при почти полном «единовластии» в прочем тексте мотива привязанности к Камню может склонять читателей применять его и там, где он не назван.

Таким образом, вектор изменения текста, выбранный редактором «Сильмариллиона», оказался совершенно иным, чем мы можем пытаться восстановить для вектора развития собственно толкиновских текстов по этому сюжету. В них мы видим:

- появление мотива проклятия на золоте с самых ранних версий и поразительную его устойчивость;

- в дальнейшем – расширение «ассортимента» мотивов путем добавления новых, с большой вероятностью – при сохранении исходного и определяющего мотива. Привязанность к Сильмарилу наверняка бы заняла среди них свое место, но вряд ли вытеснила бы все прочие.

Примечания

(1) Я в большинстве случаев буду употреблять привычные читателю названия, тем более, что некоторые из них успевают сменить в ранних текстах несколько форм.

(2) Возможно, именно последняя фраза могла привести Кристофера к той сцене вежливого приема Хурина в Дориате, которую мы видим в печатном «Сильмариллионе». В других текстах, где его взаимодействие с Тинголом как-то описано, даже если встреча начинается вежливо («Утраченные сказания»), она заканчивается ссорой и руганью.

(3) Андрог угрожает Миму, что тот умрет от такого же оружия, смертью от которого Мим угрожал ему – «Пусть он сдохнет со стрелой в глотке!» В тех же «Скитаниях» у Хурина при себе есть только меч, да он нигде и не представлен как воин-лучник.

Саурон на башне Тол-ин-Гаурхота